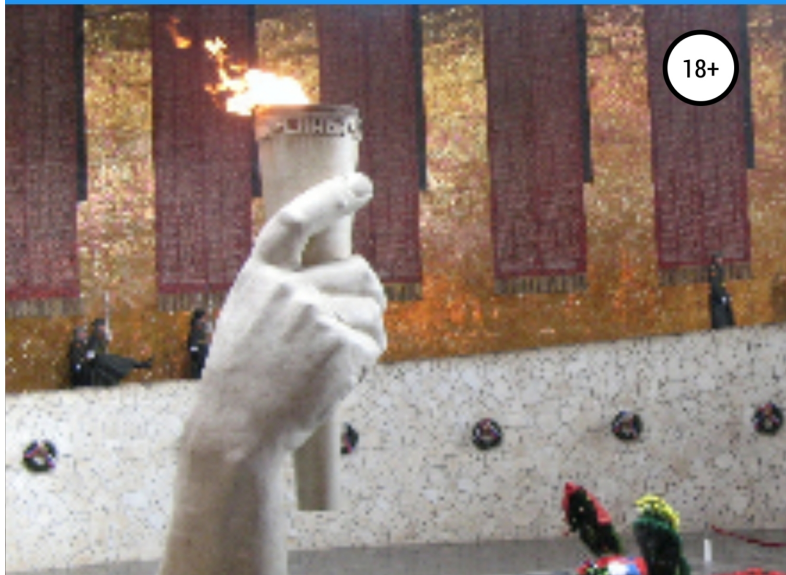

АЛЕКСАНДР КИРИЛЛОВ

БУДЕМ ЖИТЬ ПО-НОВОМУ!
РУКОВОДИТЕЛЬ. Книга 7

Александр Леонидович Кириллов

Будем жить по-новому!

Руководитель. Книга 7

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65468298

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-96226-2

Аннотация

Наступил 1961 год, принесший серьезные изменения во внутренней политике государства. Будучи школьником, мне казалось, что советское руководство было единым и работало на процветание своей страны. Реальность оказалась иной, и лидеры заняты борьбой за власть, а то новое и прогрессивное, что пытались воплотить в жизнь некоторые из них, душилось. Вот и пришлось Кольцову, подстраиваясь под людей и обстоятельства, пробираться к вершинам власти, чтобы попытаться изменить ход истории.

Содержание

Глава 1. Поездка в Москву.	4
Глава 2. Дела житейские	25
Глава 3. Руководитель города	42
Глава 4. Новое увлечение	54
Глава 5. Что год грядущий нам несет?	84
Глава 6. Началось...	103
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Александр Кириллов

Будем жить по-новому!

Руководитель. Книга 7

Глава 1. Поездка в Москву.

Как было решено на совете «шахтинской стаи» в декабре 1960 года я отправился в Москву, чтобы заручиться поддержкой уверенно набирающего политический вес Брежнева. Прибыв в столицу, первым делом мы с Сандагом направились к Мессингу, чтобы совместно обсудить мои планы. Этот человек мог посоветовать что-то неординарное. Вместе с тем, Мессинг был слишком известной фигурой, чтобы таскать его на такие мероприятия, но повидать и посоветоваться с ним я считал необходимым. Мне не хотелось, чтобы судьбоносные для меня решения попали в зависимость от настроения Брежнева или какой-либо случайности. Тот же секретарь, сидящий в его приемной, вполне мог вычеркнуть или вообще не записать нас на прием, и чтобы я делал тогда? Сандаг, как и Мессинг, были моим тайным оружием в борьбе с государственной бюрократией. Обговорив методы и план действий, я направился на прием к Брежневу. Есте-

ственно, с помощью высших сил на прием я попал без очереди в удобное для меня время.

– Здравствуй, дорогой! Рад видеть тебя, Александр!

– Здравствуй, Леонид, тоже очень рад тебя видеть! Ты уже сделал очень хорошую карьеру, но это только середина твоего пути!

– Ты когда-то сам сказал, что меня ждут великие дела, вот я и приступил к их воплощению. Что привело тебя ко мне?

«Леонид, хотелось бы тебя повидать без официоза, как боевого товарища, поэтому давай пообщаемся где-нибудь на природе», – сказал я, обведя кабинет рукой, показав, что его могут прослушивать.

Леонид сразу понял, в чем дело, и принял условия игры: «О чем разговор, давай в эту субботу встретимся, подъезжай ко мне домой, тебя пропустят. А там на охоту и съездим, да боевую молодость повспоминаем».

Я вышел из кабинета, где в приемной ко мне присоединился Сандаг.

– Как прошло внушение, Сандаг?

– Нормально, сопротивление воздействию он не оказывал, никакого "прикрытия" или "блокировки сознания" на нем не заметил.

– Тогда надо решать наши дела, пока он обычный партийный вождь, а не Генсек, тогда это, может быть, будет тяжелее.

Эту пару дней мы погуляли по Москве, сходили в мавзолей и посмотрели на Ленина, повидали наших московских

друзей и знакомых.

В субботу, в назначенное время, мы с Сандагом были возле многоэтажного дома, где жили высокие сановники, адрес которого мне назвал Брежнев. Леонид вышел с зачехленным ружьем, личный шофер подогнал "ЗИМ" и мы отправились в один из подмосковных заказников, где проводили время и охотились сильные мира сего.

– Саня, ты пострелять не хочешь? Ты же боевой офицер, разведчик, стрелять хорошо должен.

– Лёнь, я давно не палил из ружья, так что не хочу выстрелить в небо и промахнуться.

– Ха, как ты сказал? Выстрелить в небо и промахнуться, надо будет запомнить. Но все равно, рука у тебя должна быть еще крепкая, ты же лет на 10 младше меня?

– Почти, я 1914, а ты 1906 года, а на войне так вообще разница годов не чувствовалась. А об охоте – не люблю я стрелять в животных. Вот в человека – без проблем, а в животных не могу, только, если очень надо будет.

– Ну да, а я вот заядлый охотник, как был раньше, так и остался им после войны.

В общем, настролялся будущий вождь от души, а затем мы сели закусить её самую, беленькую, а заодно и поговорить. Махнув по рюмочке за Победу, за жизнь и за удачу, перешли к нашему разговору.

– Саня, так о чем хотел поговорить со мной?

– Хотел поговорить о двух вещах: о себе и о тебе, с чего

начать?

– Давай с себя, а меня на закуску оставим.

– Хорошо, Леонид Ильич, давай начну о себе. Есть у нас в стране город Шахты, в котором построено много заводов и производств поменьше, которые мы, а именно, я и группа однополчан, а кое-кого ты знаешь лично по Новороссийску, с 1945 года подняли с пустого места. Жаль, что ты к нам не приедешь, у нас такой санаторий, не чета, вашим правительственным.

– Что, лучше?

– Однозначно по все параметрам, начиная с отделки и заканчивая организацией отдыха. Так что, если вдруг решишь выделить недельку для отдыха, то милости прошу. Все это было кооперативным, но с этого года, как ты знаешь, все стало государственным. Вот и потянулись к нам руки областных чиновников, желающих подмять под себя эти заводы, что, по сути, равнозначно их развалу. Бывших наших руководителей желают оттеснить от руководства и просто уволить.

– Саш, это не в моей компетенции, тут я ничем помочь не смогу. Насколько я слышал, есть неофициальное указание, чтобы на все крупные кооперативные предприятия назначить новых директоров из проверенных номенклатурных кадров. Ты же знаешь, что крупных не так уж и много, а все ваши, пожалуй, что в 30 крупнейших кооперативов страны входят. Так что, боюсь, что придется твоим парням искать новую работу.

– Не знал об этом указании. Но парни сами поехали решать эти вопросы, может быть, что-то у них и получится. Но вот то, с чем я хотел к тебе обратиться, следующее. У нас есть первый секретарь горкома Горяев, фронтовик, бессменно руководящий городом с 1945 года, превратившим его из разрушенной деревни, в современный цветущий город-сад. Вот его теперь выталкивают на пенсию, поэтому обязательно нужна его замена на нашего человека, например, на председателя исполкома Недогарова. Без пушистой руки и прикрытия из Москвы этого не протолкнуть.

– Я думал, ты для себя будешь это просить место.

– Нет, для себя я буду просить место под твоим руководством в Москве. А вот мое присутствие рядом с тобой и негласная поддержка тебя и твоих действий поможет тебе в будущем. Впрочем, это уже относится ко второму вопросу о твоей судьбе.

– Все понял, переходи ко второму вопросу.

– Леня, в 1964 году на съезде КПСС ты должен будешь стать Первым секретарем, а позже в 1966 году, с твоей подачи, снова будет введена должность Генсека партии.

– Мы сможем скинуть Хруща?

– Сможем. Моя команда поддержит тебя в любых начинаниях, вплоть до физического устранения наших врагов, а значит, врагов страны. Но тайные оппозиционные руководители страны хотят сделать все по закону, в том смысле, чтобы не устранить физически Хрущева, а снять его голосованием

на пленуме. Из-за этого будет много мороки, но мы победим.

– Хрущев верный ленинец.

– Может он и верный ленинец, но, как руководитель государства сделал много ошибок. Когда Хрущева сойдет с политической арены, Уинстон Черчилль скажет: «Я всю жизнь положил на борьбу с коммунизмом и Советами, но не смог сделать во вред коммунизму и трети того, что сделал Хрущев».

– Так и скажет?!

– Осталось недолго времени ждать, прочитаешь еще в докладах дипломатов. Впереди нас ждут 2-3 неурожайных года, а из-за непродуманной сельскохозяйственной и финансовой, скажу больше, глупой политики Хрущева, в стране наступит серьезный голод с урезанием и даже невыплатой вовремя зарплат. В Новочеркасске это закончится расстрелом демонстрации трудящихся, которые выйдут, протестуя против поведения местных властей. В общем, страну ждут большие потрясения, поэтому Хрущева надо менять. Хрущев как человек совсем не дурак, он хитрый и по-житейски очень даже умный. Я же говорю о нем, как о руководителе государства – он деятельный дурак, а если сказать корректно, то он слишком искривлено воспринимает реальность, поэтому опасней вдвойне.

«Задал ты мне задачку. Генеральный секретарь, говоришь, это хорошо звучит», – не слушая меня, вслух размышлял Брежнев.

– Генсек Ильич, это еще лучше звучит. Хотя Шелепин, Подгорный и группа товарищей сразу поставит перед тобой условие, что ты временный человек в кресле первого лица страны.

– Да, второй Ильич, это приятно. То есть как это временный?

– Да вот так. Все хотят быть главными: и Суслов, и Подгорный, и Косыгин, и Шелепин, и другие.

– Так дело не пойдет, мне надо удержаться.

– Полностью с тобой согласен, что надо удержаться самому и удалить от власти всех конкурентов.

– Может их устранить?

– Теоретически без проблем, хотя тот же Косыгин умный и грамотный руководитель, грех такими кадрами разбрасываться. Важнее его перетянуть на свою сторону, дав нужные гарантии, чем воевать с ним.

– Политические игры – это слишком муторное и долгое дело, Саня.

– Ничего, Леонид, найдем мы быстрые методы на особо строптивых.

– Ладно, что я могу сделать для тебя сейчас. Ко мне так сразу не попадешь, нужно поработать в органах рангом пониже. Какой у тебя партийный стаж?

– Коммунист с конца 1941 года.

– Это хорошо, вот тогда давай я тебя и порекомендую первым секретарем Шахтинского городского комитета партии.

В Ростове с этим согласятся, хотя по работе могут и палки в колеса вставлять. Будь к этому готов, Саня.

– Это решаемо.

– Ты сейчас кто по должности?

– Сейчас я генерал-лейтенант вооруженных сил (ВС) и МВД в отставке, неделю назад меня сняли с руководства футбольной командой «ЦСКА» и уволили из армии. Теперь я месяц могу ничего не делать – отпуск. Приеду домой и буду искать новую работу, но скорее всего, что поработаю начальником команды «Динамо-Гелиос».

– Я хоть больше хоккейный болельщик, но и футбол очень уважаю, особенно за «Спартак» болею, однако успехи наших футболистов в мире при твоём руководстве меня очень радовали. А когда ты хоккеиста Боброва взял в свою команду и вы выиграли Восточный кубок, я был просто в восторге от вашей игры.

– Да, славное было время, хотя Бобров же вначале прославился, как футболист «ЦСКА». Это потом он триумфально ушел в хоккей, взяв в первом для нашей команды чемпионате мира золотые медали.

– В общем, езжай домой и жди назначения. Поработай с годик в Шахтах, постарайся проявить себя активным руководителем и верным ленинцем, а там я уже спокойно перетащу тебя к себе. А теперь предскажи, какие события ждут еще на мировой и внутренней арене?

– Да, об этом тоже хотел поговорить. Тебе надо выделить-

ся лучшим аналитиком и прогнозистом ситуаций в мире, поэтому давай обсудим грядущие политические события.

Все мои расклады, основанные на знании прошедшей истории, давали возможность, если он будет аккуратно и дозировано выдавать итоги грядущих событий, стать лучшим аналитиком страны, а это было хорошо.

– Тебе надо повышать свой рейтинг, так сказать.

– Ладно, давай по существу, рейтинг какой-то мне еще повышать надо.

– Согласен, слово не из русского языка, а вот нарабатывать большой политический вес – это по-нашему. Вскоре в мире произойдут события, которые станут довольно резонансными в нашей стране. Так 17 января катангскими сепаратистами будет расстрелян наш союзник Патрис Лумумба – первый премьер-министр независимой Республики Конго, взявший курс на социалистическое развитие страны. У себя он станет национальным героем Демократической Республики Конго, погибнув, как погибают все национальные герои – в борьбе за власть. Его имя станет носить наш московский университет дружбы народов.

Второе и самое важное событие нового года – 20 января 1961 года 43-летний демократ Джон Кеннеди сменил Эйзенхауэра на посту президента США.

– Ты уверен? Это очень важно!

– Это архиважно, как сказал бы Ильич первый. Что могу о нем сказать – неоднозначный президент. В звании «лейте-

нант» Кеннеди прошёл всю Вторую мировую войну, служа на Соломоновых островах в качестве командира торпедного катера. За храбрость, проявленную во время военных действий, он удостоен множества наград. После окончания войны начал политическую карьеру и был сенатором от Массачусетса. В новом году на текущих президентских выборах Кеннеди с незначительным отрывом победит республиканца Ричарда Никсона. Почти трёхлетнее президентство Кеннеди будет ознаменовано кризисами: Берлинским, Карибским, операцией в заливе Свиней, связанное с высадкой наемников на Кубе – надо предупредить Кастро об этом, отметится борьбой за права негров в США, космической гонкой между СССР и США.

– Почему трехлетнее, у них же президенты на четыре года избираются?

– Позже скажу. 12 сентября 1962 года Кеннеди в своей речи возьмет курс на осуществление первой пилотируемой высадки на Луну в рамках космической программы «Аполлон». Так что 20 июля 1969 года в ходе полёта «Аполлона-11» на Луну высадятся Нил Армстронг и Баз Олдрин.

– Обгонят, значит, они нас с Луной...

– Вообще-то, на основании анализа, технических возможностей этой высадки на Луну, ученые 21 века пришли к выводу, что ее не было. Все это такая же политическая игра, призванная заставить СССР ввязаться в космическую гонку и подрывающая экономику страны, которую и без амери-

канцев с самыми лучшими намерениями расшатывают наши правители.

Могу сказать, что аналогичную провокацию в 1980-х годах американцы провернут с объявлением космической стратегической оборонной инициативы СОИ, чтобы СССР стал вбухивать средства, пытаясь не отстать от Америки и ее полумифической на тот момент программе. А правительство США спокойно будет печатать деньги для оплаты всех научных исследований и программ, формально не обеспеченные золотом, увеличивая внутренний дефицит бюджета, в итоге, достигший нескольких триллионов долларов. И плевать они хотели на эти дефициты – напечатают столько, сколько надо для оплаты необходимых для государства целей. Это тебе к вопросу о дефиците бюджета.

К тому же их доллар обеспечивается мощнейшей американской экономикой и экономикой других стран, завязанных на США и входящих во всемирную торговую организацию, в которой очень грамотно для США прописаны обязательства всех ее участников по обеспечению своим золотом американской валюты. Кроме того, весь мир, включая Европу, Японию, Китай и даже Россию будущего, за золото станут покупать государственные облигации США, вместо того, чтобы использовать эти деньги для поднятия экономики своих стран. В общем, это высокая экономическая политика, глубокие цели которой, зачастую нам, обычным обывателям, непонятны.

– Так что, не будет американской СОИ?

– Будет конечно, США планомерно будут реализовывать свои космические программы, люди будут работать, воплощая в жизнь эту СОИ, а с развитием элементной базы и техники, работать еще успешнее, намного обогнав нашу страну, которая все больше будет превращаться в сырьевой придаток США и Европы. В 21 веке в нашей стране не будет разработано и произведено ни одной серьезной микросхемы – все будет покупаться в Азии или Америке.

Американцы же все морально устаревшее, хотя и современное в данный момент, будут выводить со своих заводов в страны Азии, а те уже будут заполнять рынок суперсовременными бытовыми приборами и высокими технологиями. А в самой США на освободившихся мощностях разрабатываются и производятся совершенно новые поколения микроэлектронной техники, которые очередные несколько лет будут являться американским госсекретом.

– То есть, повторюсь, Александр, ты думаешь, что высадок не было?

– Не готова техника в 1960-х годах для высадки астронавтов на Луну. В принципе, это можно проверить нашими луноходами, прочесав предполагаемые места приземления американцев – они там флаг оставят.

– Ладно, все это общие знания, особо нам не нужные в настоящий момент. Давай конкретнее, что мы имеем по Кеннеди? Поясни, что такое Карибский кризис?

– Дело в том, что этот кризис вызвало размещение США годом раньше в Турции ракет средней дальности «Юпитер», которые в силу близости, а значит малого подлетного времени, беспрепятственно смогут достичь промышленных центров в западной части Советского Союза, включая Москву. Как ты понимаешь, это лишает СССР возможности нанести равноценный ответный удар.

Первый зарубежный визит после победы революции Фидель совершил в США, однако президент Эйзенхауэр отказался встречаться с ним, сославшись на занятость. После этой демонстрации высокомерного отношения к Кубе, Кастро начал реализовывать экономические меры, направленные против засилья американцев. Были национализированы телефонная и электрическая компании, нефтеперегонные заводы, 36 крупнейших сахарных заводов, а также все филиалы североамериканских банков, принадлежавших гражданам США. В ответ на это США прекратили поставлять на Кубу нефть и покупать её сахар. Такие шаги поставили Кубу в очень тяжёлое положение.

– Александр, Кастро обращался к нам за военной помощью после победы революции на Кубе в 1959 году, да и ранее, еще в период своей борьбы с режимом диктатора Батисты, но получал отказ. Москва, да будет тебе известно, скептически относится к лидеру кубинских революционеров и к самим перспективам социалистической революции на Кубе, считая, что там слишком велико влияние США.

– Еще раз повторяю, Леонид, Кастро самый последовательный и надежный союзник СССР в Центральной Америке. Обязательно настаивай на стратегическом сотрудничестве с этим режимом. Если вы и дальше будете изображать близоруких политических идиотов, то американцы смогут свалить кубинцев и придет «привет» нашему форпосту в Америке. Куба – это наш остров!

– Да, в этом году в ЦК партии все больше склоняются к тому, чтобы поддержать Кастро. Идут разговоры об установлении дипломатических отношений с Кубой и оказании им военно-экономической помощи.

– Продавливай решение этих вопросов, но вначале перетри это дело с Хрущевым, чтобы он проникся важностью миссии и «типа» оказался первым, самым умным и дальновидным политиком. Направляйте кубинцам танкеры с нефтью, закупайте вы этот сахар, поднимайте на острове экономику, направляя туда наших специалистов. Я лично считаю, что в данном случае политические дивиденды важнее экономических затрат. Лучше перестаньте постоянными дотациями содержать наши южные республики, они прекрасно сами зарабатывают деньги, обирая РСФСР везде, где могут, продавая в три дорого мандарины, цветы и так далее. А Кубу, Вьетнам, Эфиопию, Северную Корею надо поддержать – это важный политический момент создания наших стратегических сателлитов в этих регионах.

– Откуда ты это знаешь, что нам важно, а что нет?

– Леня, не задавай глупых вопросов, чтобы не получать глупые ответы. Разве ты сам иного мнения?

– Нет, Сань, согласен, нам нужно закрепляться в разных регионах мира. Буду лавировать среди конкурентов, чтобы оказаться самым полезным и доверенным лицом.

– Точно, обсуждай все приватно с главным, а там видно будет.

– Давай еще, что там ожидается?

– Ты знаешь, что началась суэта на Ближнем Востоке, скоро развалится уния Египта и Сирии. Сейчас президент Египта Насер лучший друг у нашей страны в Африке, но в дальнейшем Сирия станет еще более важным стратегическим партнером в ближневосточном арабском мире, более надежным, чем Египет, так что это даже к лучшему. Сам Насер умрет и новым лидером станет Саддат – ярый приверженец США.

– То есть ставку на Египет лучше не делать?

– Почему, просто надо подготовить замену Насеру, Саддата можно и того, например, отправить к фараонам в потусторонний мир, пока он обычный оппозиционер.

– Это не принято, мы СССР.

– Леонид, этим занимается весь западный мир на протяжении столетий. Можно подумать, что наши спецсы из ГРУ не проводят политических ликвидаций. Египет контролирует Суэцкий пролив, а это стратегическая водная «канавка» из Европы в Индийский океан. Так что Египет нам очень инте-

ресен.

– Что еще будет интересного в этом году?

– Наша страна исправно будет запускать спутники в космос, даже отправит один к Венере. В Африке и Азии набирают мощь народно-патриотические силы, борющиеся против освобождения от европейских протекторатов. В августе ожидается политический всплеск в ГДР – Берлинский кризис.

А вот следующая информация станет очень даже серьезным политическим аргументом. В октябре СССР проведет испытание водородной бомбы мощностью 50 мегатонн, которую разработчики будут называть «царь-бомба» или в шутку «Кузькина мать». Это самое мощное ядерное испытание в истории человечества. Мощнее его не было и не будет. Возможно, что знание о наличии у нас такого оружия остудит горячие головы в США, готовые рискнуть развязать третью мировую, пользуясь своим преимуществом в количестве ядерного потенциала.

– Так, так, не торопись, я сделаю себе пометки в блокнот, чтобы не забыть, повтори-ка еще разок.

– Ты сам знаешь, что сейчас готовятся материалы, а на 22-м съезд КПСС будет принята III Программа КПСС, которая ознаменует начало «эпохи развёрнутого строительства коммунизма».

– Естественно, сам участвую в этой работе. Саш, ты веришь в коммунизм?

– Нет, Леонид, не верю.

– Как же так, Александр, ведь мы боремся за лучшую жизнь, делаем все для его строительства!

– Понимаешь Леня – ты, ЦК КПСС, правительство, партийные органы итак живете при коммунизме с 20-х годов. Или я не прав? Вы кушаете все, что душа пожелает, у вас есть личные авто, дачи, квартиры со всеми удобствами, огромные для СССР зарплаты, у вас есть «элитные женщины», например, балерины Большого театра, а может и Малого.

– Это что, так думает народ? Ты же сам из народа!

– Нет, Леня, народ борется за коммунизм, верит в ваше правительство, в партию, а попутно, тихо пьянствует на заводах, матеря вас на кухнях, инициатива поощряется только на словах, а на деле 90 процентов рацпредложений и патентов пылится на полках заводов или архивах патентных бюро. Болото, Леня, жуткое болото все сильнее и сильнее расплзается по нашей промышленности. А сельское хозяйство – тут вообще очень печальная картина. Смотришь фильмы «Бровкин на целине», «Кубанские казаки», всякие там «Колхозники» – так все замечательно в них, а на деле. Ты же сам выходец из села, знаешь каков этот труд. А люди живут на трудодни – нет у них зарплаты, а только натуральный обмен, как в первобытнообщинном строе. Ты поработал, тебе «палочки» трудодней поставили, выдали пропорционально им зерна, картохи и так далее, кому-то из передовиков даже стройматериалы дадут, например, крышу из соломы шифером за-

менить. А дальше бери и продавай все это, чтобы у колхозника появилась живая копейка.

Люди коммунистического общества должны быть всесторонне образованными, гармонично развитыми, безупречно нравственными и морально устойчивыми, требовательными к себе, иметь правильные жизненные ценности и приоритеты.

– Это ты где такое определение взял?

– Я думал, что ты спросишь, о ком это я сейчас так сказал. А это цитаты из кодекса строителя коммунизма. Ты таких людей видел у нас в руководстве нашим обществом? Таких только среди обычных граждан еще можно найти, из тех, кто целину осваивать поехал не начальством, а рядовыми колхозниками, кто в войну первым вставал на пути врага, кто трудится честно. Так что, как писал Герцен «страшно далеки вы от народа». Многим колхозникам в будущем пенсию назначат аж 8 рублей в месяц, но они будут рады даже этой живой копейке. У моей бабушки зарплата сельского продавца 46 рублей, да трое детей школьников, да без мужа живет – умер. Это хоть какие-то деньги, но откровенно говоря, это издевательство над людьми.

– Да, маловато для жизни.

– И ты хочешь, чтобы люди не воровали, брали по необходимости и не больше. А как звучит лозунг коммунизма «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Да первое, что они сделают, потому что сработает инстинкт

самовыживания – это нахватают все, что можно, пока дают, про запас на черный день. И будут правы. А сейчас голод в стране начинается, зарплаты задерживают, как будто напечатать деньги нельзя.

– Так нельзя же – дефицит бюджета будет, золотом-то рубль не обеспечен окажется.

– Леня, я хоть и не экономист, но понимаю, что дефицита бюджета в нашей стране быть не может, потому что наши недра, в которых сокрыты тысячи тонн золота, алмазов, редких металлов, леса, пашни, стройматериалы покроют любые дефициты государственного бюджета. Биллионы рублей лежат в недрах, а ты мне о дефиците в несколько миллиардов говоришь. Или на Западе не пользуются кредитами под залог недвижимости? Вот недра и есть наша залоговая недвижимость. Зачем злить свой народ, доводить его до бунтов. А ведь уже скоро будет такой бунт в Новочеркасске.

– Мы должны что-то предпринять?

– Нет, Леонид, это дела Хрущева, нашего великого кормчего, и его окружения. Пусть он осушает то болото, которое развел своей политикой, а мы подождем, когда «Акела промахнется» и свалим его. Иначе история может пойти другим путем, и я не возьмусь ее предсказывать.

– Но если мы напечатаем денег, то будет инфляция.

– Если ты отпустишь цены на государственном уровне – тогда будет инфляция, а я не вижу предпосылок для нее. Мы не какая-то там Монголия, где кроме травы, овец и лошадей

ничего нет. Мы же владеем сельхозугодиями, заводами, фабриками, недрами. Осуществляй государственную заморозку цен и все будет нормально. Скажу тебе откровенно, когда-то в будущем экономические аналитики будут с экранов телевизоров авторитетно утверждать, что Россия не сможет себя прокормить, а какая-то Канада, где 4/5 страны в дремучих лесах или вечной мерзлоте, спокойно кормит не только себя, но еще будет экспортировать пшеницу в Россию!

– Это с нашими просторами-то? Да, есть трудные дни, но у меня нет слов Саша, если ты такое видишь? У тебя есть пути решения?

– Огромное достоинство социализма – это стабильность жизни из-за отсутствия частной собственности на средства производства и гарантированность занятости населения. Так вот, наша задача с тобой, сохранив стабильность цен и гарантировав накопления людей, так наладить нашу жизнь, чтобы люди получали хорошую зарплату, а не копейки, могли спокойно потратить ее на полезные вещи, то есть убрать из жизни обычного гражданина дефицит на что-либо. Но, в тоже время, нельзя допустить появления частной собственности на заводы и землю.

Но вернемся к съезду, что еще добавить. По решению этого съезда КПСС тело Иосифа Сталина будет тайно вынесено из Мавзолея и захоронено у Кремлёвской стены. На это очень категорично отреагирует Мао Дзедун и мы окончательно поссоримся.

– Хм, лучше не выносить?

– Не знаю, но Китай очень ненадежный партнер, чтобы на него делать ставку. Они слишком «себе на уме» и преследуют только свои цели, на всех остальных им наплевать. В принципе, они в этом такие же, как США или Великобритания. Вот у кого надо учиться заботиться о своей стране, делая ее процветающей, абсолютно не интересуясь интересами других стран.

«Озадачил ты меня, «Оракул», – вздохнул Ильич.

– Ты, главное, вовремя выдавай эти сведения кому надо. Как уже говорил, ты по всем этим вопросам прежде разговаривай с Хрущевым, становясь его лучшим другом и советником. Нам же легче будет его подвинуть позже, но и не теряй связи с оппозицией.

– Это точно, надо держать руку на двух пульсах. Жаль, что ты не охотишься, одному не так интересно.

– Как гласит народная мудрость «охота – это когда тебе и ей охота. А в лесу с ружьем бегать – это так, стрелялки».

– На все у тебя присказки есть. В общем, поговорили, пора и по домам.

На этом наша охота закончилась, Брежнев высадил нас возле нашей гостиницы и окрыленный перспективами, что было видно по его мечтательно-хищному выражению лица, уехал к себе домой. Я же на следующий день повидал наших знакомых телевизионщиков, побеседовал с ними о жизни и перспективах, и через сутки мы уехали в Шахты.

Глава 2. Дела житейские

Прибыв домой, мы снова встретились с теми руководителями, кто был на месте. Я довел узнанную у Брежнева информацию до народа, обрисовал перспективы, и мы стали готовиться к приезду наших эмиссаров из московских министерств, чтобы узнать результаты их переговоров по будущему руководству предприятиями. Все резервные и свободные денежные фонды мы вывели из кооперативов на зарплаты и премии. Люди также продолжали работать, но тоже были в ожидании грядущих перемен.

Вскоре стали приезжать наши директора. На наши встречи они приходили с задумчивыми лицами, только махая рукой в ответ на приветствия. За неделю собрались все руководители кооперативов. На нашем собрании актива города они с грустью говорили о том, что дошли до высоких чинов, а кое-кто и до министров, которые уверяли, что им было хорошо работать с такими руководителями, и они приложат все силы, чтобы сохранить посты директоров за нами. Но, к сожалению, есть рекомендаций из ЦК партии по поводу кооперативного движения, а против них они бессильны.

«Ну что, товарищи, значит, перейдете на научную работу или станете начальниками отделов и инженерами. К сожалению, в следующем году мы будем провожать на пенсию ряд

наших руководителей, в том числе и меня. А может быть это и к лучшему, что мы уйдем на покой в это время – нервы здоровее будут», – сказал Горяев.

«Да, мужики, все помнят, что с 1-го января будет реформа денежная? – спросил я. – В общем, не суетитесь, поменяете спокойно все деньги 1 к 10 и будет вам счастье».

– Уверен, что не будет засад каких-нибудь?

– Нет, как написали в газетах, так и будет. Я лично жду реформы, а в сбербанке мне просто проиндексируют мои вклады.

Дома Лена тоже была в удрученном состоянии, но радовало лишь то, что к концу года мы должны были полностью завершить выпуск двух телеспектаклей и трех полнометражных мультфильмов. Поэтому работа в студии кипела, чтобы за декабрь сдать работы заказчику – Государственному комитету по радио и телевидению, поделить гонорары и закрыть финансовый год. Студия раньше была кооперативной на самообеспечении и не зависела от Москвы. Нам нашу независимость припомнили. Стало известно, что студия полностью входит в систему Госкино СССР с централизованным финансированием. Вначале речь шла об урезании финансирования, а затем на собрании руководства Союза кинематографистов и Госкино было принято решение объединить нашу студию, невзирая на наличие призов международных кинофестивалей и мировой известности с «Союзмультфильмом». С большим сожалением киноспециалисты гото-

вились к переменам в своей жизни. Некоторых пригласили в Москву, большинство же должны были искать себе новое место работы. Здание киностудии отходило городу под административные учреждения.

– Ничего, Лен, все это временно, найдется и тебе новое дело, а пока поработаешь в народном театре.

Возраст свое брал, желание чего-то доказывать прошло, шла переориентация жизненных приоритетов. Многие наши актрисы и артисты, в том числе и мои супруги, завершили выступления в танцевальных коллективах и в постановках народного театра. Ну, что же, у них теперь были иные интересы, да и обстановка в городе в связи с изменением привычного ритма жизни, не располагала наших руководителей и их жен к искусству. Предстояла борьба за власть и теплые должности.

В Кремле кипела закулисная работа, строились планы, создавались тайные союзы, разрабатывалась стратегия борьбы за власть групп и отдельных личностей. Брежнев дозированно выдавал информацию Хрущеву и ряду оппозиционеров, вращаясь в орбите сразу двух лагерей – Хрущева и Шелепина.

– Леня, ты уверен с Кеннеди и Кубой?

– Никита Сергеевич, как в вас уверен!

– Ладно, погодим – поглядим, что ты там «наонализировал», аналитик ты наш, тем более до выборов осталось меньше месяца. Я лично думаю, что выиграет Никсон, он опыт-

нее и политический вес у него посерьезнее – вице-президент США. Тем более у власти республиканец Эйзенхауэр, как и Никсон.

– Никита Сергеевич, президентом станет демократ Кеннеди.

– Вот как состоятся выборы, подумаем и с Кубой, и с Северной Кореей – усилим им помощь, да и о размещении ракет подумаем, и с Эфиопией.

Новый год мы встретили дома в кругу семьи. Затем отметили народные праздники типа Рождества и Крещения, потом день рождения Александра младшего.

С января 1961 года ничего кооперативного в городе не осталось, ни нашего «Гелиоса», ни небольших артелей или бытовых кооперативов. Менялась советская эпоха, ушли в прошлое 50-е, а впереди нас ждали 60-е годы, начиналась другая жизнь.

В Москве расширялся штат работников Госплана, ведь с каждым годом на них падала гигантская нагрузка по планированию производства на заводах и фабриках огромного перечня продукции всей необъятной номенклатуры товаров, причем без всяких компьютеров, а всего лишь с помощью печатных машинок, деревянных счет и логарифмических линеек.

С благородными целями им в помощь где-то в недрах нескольких НИИ радиоэлектроники под эгидой Глушкова и Китова рождался или уже родился советский суперком-

пьютер с перфорированными карточками и рулонами ленты, на бумаге разрабатывалась Глушковская единая электронная сеть, которая должна была связать города и предприятия страны. Однако она как-то планомерно накрывалась «медным тазом», потому что руководство страны не хотело понимать перспектив, да еще и активно сопротивлялось прогрессу, ссылаясь на слишком большие затраты по ее внедрению. Плановая экономика во всем, даже в планировании количества шурупов или носовых платков, вступала в свои права на всей территории огромной страны. Вот так зарождалась основа будущего тотального дефицита, когда руководители абсолютно не были заинтересованы в насыщении рынка товарами, которые покупают, а только выполнением объемных показателей плана.

А первого января 1961 года в СССР в форме деноминации с девальвацией началась очередная денежная реформа. Денежные знаки, введенные в ходе денежной реформы 1947 года, обменивались в течение первого квартала 1961 года без ограничений на новые денежные знаки в соотношении 10:1. В этом же соотношении был произведен пересчет оптовых и розничных цен на товары и работы, вкладов населения в сберегательных кассах, размеров всех видов оплаты труда, выраженных в денежных суммах.

В отличие от предыдущей конфискационной реформы 1947 года, которая ударила по народу неожиданно, о предстоящем обмене денег население было проинформировано

заранее в постановлении Совета Министров. Как обычно, перед такими заявлениями во второй половине 1960 года в несколько раз подскочила выручка ювелирных магазинов, стремительно раскупались меховые изделия, рулоны шерстяных тканей, продукты длительного хранения, другие товары, и увеличились вклады населения.

Однако реформа 1961 года, преподнесённая широким массам как простая деноминация и оставшаяся таковой в памяти народа, на деле являлась девальвацией советского рубля по отношению к иностранным валютам и золоту. Хотя для нас, основной массы населения СССР, не имевшей необходимости обменивать рубли на иностранную валюту из-за невозможности выезда за границу, это прошло практически незамеченным. Сами деньги стали меньше размером и удобнее в использовании.

Причины девальвации оцениваются по-разному, но все исследователями едины в том, что это были экономические трудности государства, связанные с гонкой вооружений, реализацией космической программы, помощью дружественным странам, конфронтацией со странами Запада. Таким образом, получалось, что уже к 1960 году наша экономика чувствовала себя хуже, чем в 1950-53 годах, когда она была на подъеме после тяжелых лет войны – вот так нами руководили.

В рабочих коллективах и семьях люди зачитывались статьями, опубликованными в центральных газетах, которые

давали положительные оценки проведенной реформе. К тому же советские газетные, радио и телевизионные новости пестрили крупными событиями, происходившими в то время в стране и мире. Политологи знали, на чем акцентировать внимание людей, чтобы отвлечь их от ухудшающихся реалий.

Конечно, с 1961 по 1985 годы, когда обращался «новый» рубль, в стране сложился единый народнохозяйственный комплекс, освоены крупные месторождения природных ресурсов и новые крупные районы на севере и востоке страны, построено более 9 тысяч новых промышленных предприятий и 54 миллиона квартир, масштабно реализовывались космическая программа и программа вооружений. Но и побочные эффекты девальвации для основной массы населения также затянулись на десятилетия – низкий, даже в сравнении с некоторыми странами социалистического лагеря, уровень оплаты труда и чрезмерная дороговизна импортных товаров, перешедших для советских обывателей в разряд роскоши. Разве что румыны по уровню жизни были не богаче основной массы нашего населения, а жители остальных соцстран запросто могли поглядывать на нас свысока.

У меня на счетах в сберкассе лежало порядка 5 миллионов, которые превратились в 500 тысяч рублей. В принципе, огромная сумма для советского человека, разумно потратить ее в стране было нереально, хотя это и неплохо – стабильность в стране – великая вещь для планирования жизни и,

пожалуй, лучшее достижение социализма. Отдельной позицией оставались мои вклады в иностранной валюте в Швейцарии, о которых, кроме нескольких человек, никто не знал.

В январе приехали назначенные Москвой новые директора. Люди приехали, уверенные в себе и своей правоте во всем. Хотя после общения с ними создавалось ощущение, что, как будто, специально прислали не профессионалов в конкретных производствах, а обычных номенклатурных работников. Ведь в той же Москве вполне хватало людей, хорошо знакомых с данными производствами.

Прибывшие сразу взялись за работу по перетасовке кадрового состава, прямо заявив нашим бывшим директорам и их заместителям о том, что им очень желательно сменить место работы и не мешать своими советами плановому развитию предприятий. Теперь это забота других людей.

В новом году, благодаря настойчивым рекомендациям из области, были организованы проводы на пенсию Владимира Ивановича Шаламова, Георгия Будова, Татьяны Хромовой, Алевтины Шагаевой, Степана Чебаняна, Владимира Филиппова, Веры Алексеевой, Татьяны Масловой, Юрия Родионова и Владимира Горяева, достигших или перешагнувших пенсионный возраст в 55 и 60 лет. При нас они спокойно работали бы и дальше, пока было бы желание и силы, получая хорошие деньги, а с новым руководством пришлось подчиниться и уйти на пенсию.

Что еще оставалось делать нашим людям? Финансиро-

вание исследований и работу лабораторий, деньги на которые выделялись кооперативами, прекратилось, выплата «бюджетных» дотаций тоже – люди стали жить на одну зарплату.

Все это повлекло естественные изменения в жизни города. Ведущие специалисты и бывшее руководство кооперативов продавали свои уютные дома или квартиры и уезжали. Многие из тех, кого звали в НИИ или иные государственные конторы в больших городах, отправлялись на новые места, чтобы занять более хорошие должности, получать повыше зарплаты и иметь рабочие перспективы. Так покинули нас Мохнач и Демихов, убыв в Москву и Ленинград, вернулись в Куйбышев, став проректором мединститута, Фатенков с супругой и детьми. Шагаева с семьей уехала в Кисловодск. Перевелись в Ростов в новые больницы: областную, обкомовскую, железнодорожную и в мединститут, заняв там должности начальников кафедр и заведующих отделений, наши доктора: Чехлова, Сокурова, Рудкова, Летнева, Кочетов, чета Задыхановых.

Случилось в жизни нашей бригады и трагическое событие. Погиб наш боевой товарищ Женя Воробьев. Ледков, Воронов, Клепченко стояли в больнице и мяли фуражки, а сзади их подпирали остальные друзья и соратники.

– Наташа, мужайся, твой муж Евгений, наш боевой товарищ, пал от руки убийцы.

Наташа выронила из рук полотенце и тихо заплакала, сквозь слезы спрашивая нас: «Как же так, ребята, вы ошиб-

лись! Ведь Женя всю войну прошел, в стольких передрыгах выжил, а сейчас ведь мирное время! Найдите убийцу!»

– Найдём, Наташа, и покараем эту мразь!

Мужчины вышли на улицу, где стояли еще наши боевые товарищи.

– Пошли к нему домой, надо его матери сообщить, только как, бабушка-то старенькая уже, как бы сердце не того...

Вспомнилась старая русская песня, слова которой я проговорил вслух: «Напрасно старушка ждет сына домой, ей скажут – она зарыдает, а волны бегут от винта за кормой и след их вдали пропадает».

– Что же, мы теряем друзей, а время идет своим чередом, не обращая внимания на человеческие чувства.

– Все верно, Палыч, что же, друзья, к сожалению, наша «птичья стая» стала еще на одну птицу меньше...

И милиция искала, методично шерстя возможных подозреваемых, работая с криминальным элементом города. Через постаревшего и почти отошедшего от дел Тихого и его сменщика Шахтера, которые подняли все свои связи, мы нашли вышедшего на свободу уголовника, которого когда-то отправил за решетку Евгений. После жесткого разговора тот рассказал, что решил с ним посчитаться за былое, поэтому выследил его в городе и, подойдя на улице, ударил ножом в спину. Естественно, что бывший зэк умер, только Джека Воробья это не воскресило. Похоронили Евгения Воробьева с военными почестями, а вскоре и его маму.

После этих событий Наталья уехала в Ростов, устроившись работать в областную больницу. Через год она познакомилась с одним из своих пациентов – мореманом, стала встречаться и, в итоге, вышла за него замуж, родив двойню. Все мы приезжали на регистрацию и рождение ее деток.

В Ростовский государственный университет и другие вузы на хорошие должности подались все наши химики и ряд радиотехников. В Питер уехало семейство Димы Киричева, который возглавил кафедру приборостроения в своей корабелке. За ними ручейком потянулись и другие наши бывшие сослуживцы из тех, кому не нашлось места в Шахтах.

Ребята устраивались работать в городские СМУ и, даже, на ближайший крупный объект – строящийся Новочеркасский завод электропоездов «НЭВЗ». Кто-то ушел работать учителем в школы и техникумы города, преподавая профильные предметы типа математики, физики или химии, кто-то подался в милицию к Ледкову. Разве, что Маслову попросили вернуться обычным поваром в санаторий, но она отказалась и уехала с сыном к себе на родину в Подмосковье. Чета Алексеевых также переехала в Таганрог на свою историческую родину, чтобы жить рядом с семьей своей дочери и внучкой. Суреновы тоже подались в Ростов, как и многие спортсмены, которые устроились работать в ростовские спортивные организации.

Было печально смотреть, как меняется наша жизнь, разъезжаются привычные нам люди. Все мы расставались по-доб-

рому, но что-то надорвалось в жизни, что-то безвозвратно ушло в прошлое. Хотя многие из ветеранов остались.

Я устроился вторым тренером в «Динамо-Гелиос». Стал потихоньку набирать форму сам, ибо негоже быть совсем уж растренированным, заодно, гоняя молодых и не очень игроков клуба по отработанной методике. Потихоньку втягивался в ритм спорта, снова обретая вкус к игре. Приходилось начинать сначала, а это хоть и тяжело, но интересно. Нашей задачей было удержаться в классе «А». Стал привлекать подрастающего Саню Кольцова к тренировкам за клуб. Леня был слишком маленький и, хотя парни больше тяготели к баскетболу, но и в футбол вполне неплохо для дворовых команд гоняли в своем ДЮСШа.

Мы шли на тренировку, встретив директора городской почты Соседину Светлану Ивановну, тетю Пашки – бывшего вратаря «Гелиоса».

– Александр, зайди на почту, там тебе посылка от твоей из самой Швейцарии пришла.

– Понял, заглянем.

– Вы на тренировку, давно пора снова собрать нашу команду, а то и забыли уже о призовых местах.

– Будем стараться, Светлана, как дома? Все норма, дочка, зять, внучка?

– Да что им будет, Лиза и Димка работают, вон в передовики выбиваются в новых условиях, да в народном театре играют, а внучка, Ксюша, в школе в первом классе.

– Па, как думаешь, чего мама Женя прислала?

– Да какие-нибудь сувениры к 23 февраля и 8 марта.

Так за разговорами мы пришли на стадион, и началась очередная тренировка команды. Игроки были в хорошей физической форме, рослые, мощные, теоретически подкованные, хотя на тактическую схему 4-2-4 после 1958 года с вариациями переходило большинство сборных команд и клубов мира.

Олег из команды создавал такую «конюшню» здоровяков – добрых молодцев. Мои детишки с годами вполне пришлись бы в нее по своим физическим параметрам, если захотят играть.

Однако не было в команде хороших разыгрывающих, то есть все бегали, толкались, в общем, ничем не отличались от других команд, а вот мозгового центра в обновленной команде не было, а я, все же, был слишком возрастным, чтобы принципиально что-то изменить. К тому же, необходим был «забивала», то есть хороший центральный нападающий или инсайд. Пока там юный Эйсебио еще в своем Мозамбике гоняет мяч, я бы его приватизировал, но, увы, не судьба, не разрешают у нас покупать игроков за границей. Но, что делать, приходилось экспериментировать с теми, кто был в наличии.

На почте мы с Саньком получили посылку, где было письмо от Евгении и несколько сувениров для дам и меня – парфюм и красивый галстук с позолоченной заколкой и запон-

ками. А главное, было письмо от Женьки с кратким законспирированным отчетом о делах фирмы и письмо с фото от Пауля, где юношеская команда «Грассхопперса» стала чемпионом Швейцарии в своем возрасте.

«Вот, парни, – сказал я своим сыновьям, – Пашка-то чемпионом страны стал, значит, и вам надо подтягиваться за ним!»

– Да, надо ему написать поздравления.

– Однозначно, ребята.

Кроме того, Женя написала о встрече с Ольгой. Она так и не поняла причину того, почему агентесса решила с ней повидаться, но ничего агрессивного гостя не высказала, хотя она увидела у нее в сумочке, когда та ее открывала, мелькнувшую рукоятку дамского пистолета. Я отписал Евгении, что если агентесса еще раз появится, то намекни ей, что нам есть о чем поговорить в будущем.

В общем, жизнь шла своим чередом. Мы также встречались нашим хорошо поредевшим коллективом, обсуждали планы и перспективы жизни.

Наступил апрель и я поехал с командой в Москву на стартовавший чемпионат страны по футболу. Наш первый матч был с «Торпедо». Шахтинские болельщики были недовольны тем, что сразу на сильную команду попали – лучше бы на слабую, очки бы могли взять. Я же считал, что лучше сразу попасть на сильных, чтобы к концу первенства играть со слабыми.

В общем, игра началась. «Торпедо» сразу придавило нас к своим воротам. Несмотря на то, что у автозаводцев в другие клубы перешел ряд ведущих игроков, клуб был на подъеме. Первый тайм закончился закономерными двумя голами в наши ворота.

«Да, Кольцов совсем не тот! Жалко смотреть на то, что в прошлом один из лучших игроков страны сейчас представляет лишь бледную тень того Кольцова», – обсуждали между собой нашу игру тренер киевлян Виктор Маслов, чья команда отыграла вчера свой матч с ЦСКА, и Качалин, рядом сидел Бобров.

«Ничего, Палыч должен что-то придумать, хотя Валерка Воронин нейтрализовал его полностью, ну поглядим, что возьмет – опыт или молодость», – размышлял про себя Бобров.

Эту воскресную игру смотрели по ТВ и в Шахтах. Люди собирались большими группами у кого-то дома и совместно шумно болели за родную команду.

– Эх, влетит «Гелиос», Иванов молодец, делает защиту «на раз». Кольцов все же слишком стар.

– Погоди, в прошлом году он Европу взял, что за год совсем постарел?

– Взял, но он же появлялся в ней эпизодически, только в полуфинале сыграл.

– Ну и что, команда сильная, смотри, как носятся по полю, что-нибудь должны сделать наши нападающие. А торпе-

довцы во втором тайме подсядут.

В нашей раздевалке в перерыве Олег и я разбирали моменты, когда нам забили.

– Сань, Воронин тебя хорошо прикрыл.

– Да, Валерка дыхнуть не дает, прессингует.

– Что делать будем?

– Тотальный футбол во втором тайме, то есть прессинг всех их нападающих, они много пьют, поэтому «сдохнут», и, парни, перестаньте пытаться закатить мяч, бейте издали и, вообще, из любых позиций у ворот. Край, смотрите на центрфорварда нашего, накидывайте ему чаще мячи на голову – у него лоб большой, глядишь мяч в ворота и отскочит.

Все посмеялись и в хорошем настроении вышли на второй тайм.

Перепасовывая мяч, мы линиями накатывали на ворота Глухотко. Торпедовцы метались за мячом, но наша команда грамотно отдавала пасы, оставляя противника «с носом».

Я получил мяч и финтом освободился от опеки, тут же кинув мяч вразрез между защитниками на нашего крайнего нападающего, рвущегося к штрафной. В результате точного паса он вышел один на один с вратарем и отправил мяч в ворота.

Валентин Иванов повел свою команду вперед, но в него также вцепилась наша полузащита и защита. Потеря, мяч выбит к центральному кругу, где наш полузащитник подхватил его и рванул к воротам. Потеря, мяч отбит на меня, и мы

снова накатываем на ворота «Торпедо».

Соперник занервничал и стал ошибаться. Безоговорочное доминирование в первом тайме улетучилось, их нападающие стали буксовать в центре поля. А у нас, наоборот, пошла игра. Я получил мяч и пешком пошел к штрафной, на меня двигался Валера Воронин, блокируя путь вперед. Резко ускорившись и обыграв Воронина «стеночкой» с нашим крайком, я вошел в пределы штрафной, где был скошен Шустиковым.

Судья показал на 11-метровую отметку – пенальти. Я разбежался и ударил, разведя вратаря Глухотко и мяч по разным углам. Счет стал 2-2.

– Хм, Виктор, все же Кольцов опытный, чертяка, и нервы железные, бьет пенальти, как семечки щелкает, хоть бы раз промахнулся.

– Да, Гавриил, ходит пешком, ходит, а в нужный момент собирает силы и взрывается, жаль, что он все же старый, пригодился бы на чемпионате мира такой игрок.

В общем, обе команды удержали ничейный счет, хотя забить могли и мы, и торпедовцы. Яценин был доволен. Забрать очко на поле соперника, к тому же прошлогоднего чемпиона страны – это очень хорошо. Он похвалил ребят, ероша волосы ближайших к нему игроков: «Молодцы, парни, мы еще поборемся за медали!»

Глава 3. Руководитель города

Этот матч на трибуне в ложе для очень «больших и уважаемых товарищей» смотрел Брежнев, размышляя про себя: «Хм, что же все-таки делать? Поставить на Кольцова или нет? «Оракул» никогда не ошибался в прогнозах, а такие люди на вес золота. Как я удачно с Хрущевым-то разрулил, обскакав всех наших умников-аналитиков с Кеннеди, Лумумбой и так далее. Все, я решил! Теперь – пан или пропал. Хотя, чего я там решил! Все, что я сейчас решил мне «Оракул» и предсказал, разложив по полочкам. Хватит ему ерундой в песочнице заниматься, мячи по полю гонять, пора выходить на серьезный уровень!»

В этом месяце было еще три игры, две из которых мы уверенно выиграли, а в третьей вратарь соперников сам себе забил мяч – выбил его в поле, а тот возьми, да и ударься в своего защитника и залети назад в ворота. Так 1-0 мы и выиграли, выйдя на 1 место в турнирной таблице.

В мае меня вызвали в обком партии в Ростов. Благодаря прошлым успехам наших команд и киностудии, я частенько встречался с председателем обкома, горкома и горисполкома города Ростова, так что люди были знакомы мне, а я был знаком им.

«Александр Павлович, заходи!» – приветствовал меня

первый секретарь обкома Басов, недавно ставший доктором сельскохозяйственных наук.

– Здравствуйте, Александр Васильевич, что такого случилось, что вы меня вызвали?

– Так вы не в курсе еще? Тогда спешу вас поздравить. Из Москвы именно вас рекомендовали назначить на должность первого секретаря шахтинского горкома вместо ушедшего на пенсию нашего дорогого Владимира Тимофеевича Горяева. Мы хотели предложить товарища из местных, он хорошо знает нужды городов области, но к мнению столицы мы обязаны прислушаться. Думаю, что они порекомендовали лучшего кандидата из всех. Надеюсь, что вы сможете с таким же успехом руководить развитием своего город, как это делал ваш предшественник.

«Вот же интриган, – подумал я про себя, но в ответ лишь слащаво проговорил, – от всей души благодарю вас за оказанную мне высокую честь быть народным избранником. Постараюсь полностью оправдать доверие Партии».

Я расписался в документах, получил на руки необходимые руководящие документы и удостоверение, и убыл домой. Дома меня встречали мои барышни и подростки дети.

– Ну что, зачем вызывали?

– Я теперь первый секретарь горкома вместо Тимофеича. Лена, если хочешь, могу тебя устроить инструктором по культуре в горком. Должность простая, но хлебная – спецпак, льготы и власть. Тем более, что я там главный, так, что

все будет хорошо. Пойдешь?

– Пойду, конечно.

– Надо еще парней подтянуть в горком и исполком. Кстати, а чего это Вадим никого к себе не взял?

– Так вакансий нет, да и не все захотели туда идти.

В общем, со следующего дня я вступил в должность, взяв к себе инструкторами Кольцову и Конышева, который должен был стать вскоре вторым секретарем, так сказать главным по политической части, отправив на пенсию всех древних сотрудников, мол, Горяева на покой проводили, а сами тогда что тут делаете? Всем вам пора на покой внуков нянчить!

В результате на меня пошли первые жалобы в область. В ответ я провел проверку деятельности этих сотрудников, после чего обратился в обком партии с докладной, в которой указывались все недоработки и косяки этих товарищей. А еще привлек милицию, которая завела дела об административных правонарушениях за приписки и так далее, и которые еще попадали к судопроизводству по срокам давности. В общем, жалобщики были совсем не в восторге от такого развития ситуации.

Однако, в своем большинстве, коллективы шахтинского горкома и исполкома были вполне вменяемыми, ответственными и сработавшимися за годы руководства Горяева и Недогарова. Поэтому тут я практически ничего менять не стал. А вот за бывшие кооперативы я взялся плотнее. На со-

брании всех новых руководителей наших бывших предприятий был составлен план работ и проверок их деятельности на год.

Конечно, теперь все они работали согласно спускаемым из своих министерств и ведомств пятилетним планам, и как-то повлиять на изменение производимой номенклатуры я не мог, как не мог повлиять и на внутренние порядки и перемещения руководящего состава новыми директорами – это их право. Но вот задолбать проверками по соблюдению всех нормативов в части организации производства, техники безопасности, соблюдения финансовой дисциплины, отчетности – нам приписки не нужны, а они обязательно будут, я вполне был способен. Подчинялся я не этим министерствам, а партийному аппарату с довольно серьезной московской «крышей». Понятное дело, что постоянно дергать Брежнева я не хотел, нельзя создавать постоянные проблемы своему руководству, иначе оно расстроится и решит, что слишком дорого я ему обхожусь и проще меня самого заменить.

В общем, размышляя о том, как мне строить свои взаимоотношения с новыми экономическими лидерами города, пришел к выводу, что воевать с системой бессмысленно, можно просто вылететь из нее, но с особо наглыми новыми руководителями церемониться не буду, найду на них методы воздействия.

Нужно отметить, что замена начальства коснулась только кооперативов, все остальные госслужащие вполне спокой-

но себе работали, те же начальники милиции, школ, здравоохранения и так далее. Только Горяева спихнули с места, потому что город был богатый, приносил хорошие прибыли в бюджет страны и области. Да только, это так было, пока были живы кооперативы, а как будет сейчас – это уже «надо посмотреть».

Что-то я уточнял у Вадима или Горяева, какие подводные течения и камни меня ждут на новом поприще. К кому в области надо «со всем уважением», куда и сколько раз «лизнуть», а на кого можно изначально «положить». Хотя, слово «лизнуть» было скорее шуткой, которую я еще в войну ввел в обиход, смеясь над нашими подарками разным должностным лицам, даримыми нами для ускорения решения дел. Это был скорее знак благодарности, чем реальный подхалимаж. Просто, с адекватными руководителями мы вели себя адекватно: хорошие подарки дарили на праздники, могли подстраховать или помочь в рабочих или личных делах. Естественно, за годы совместной работы с кем-то из руководства в московских министерствах или области сложились дружеские отношения, а кого-то на дух не переносили.

Все же, в послевоенное время многие люди в руководстве города, заводов были довольно жесткие и ответственные, чем в будущее «мягкотелые времена» развитого социализма. Здесь ценилась реальная работа и результаты, а не прожектерство и приписки. Хотя были и тупые себялюбцы, такие, как тот же Владимир Скрябин, сменивший Басова в

1962 году. За пару лет своего руководства он развалил хозяйство области, да так хорошо это сделал, что Брежнев в 1964 году сразу прислал крепкого хозяйственника Соломенцева спасать область. Хе, непотопляема номенклатура – вместо тюрьмы отправился Скрыбин руководить областным сельским хозяйством.

Я потихоньку входил в реалии своей новой должности, консультируясь со своими товарищами, работающими в горкоме и бывшими директорами. Оттого, что они стали обычными госслужащими, дружба наша не закончилась, а наоборот, мы сильнее сплотились.

Спущенные предприятиям годовые планы резко уменьшали номенклатуру выпускаемой продукции: упрощались расцветки обоев и плитки, сокращалось разнообразие моделей мебели и швейного производства, форм кирпича, убирались функции в ряде моделей электроинструментов. Так наша стиральная машина лишилась программы автоматической стирки, потеряв плату электронного управления. Умные головы плановиков-экономистов посчитали, что вместо одной такой машины можно выпустить две более простые с ручным управлением стиркой и системой отжима «типа валки». А с женщины не убудет, если захочет постирать, ведь количество продукции гораздо важнее для советского народа, чем технологичная машина с буржуазными примочками. Были сняты с производства и перфораторы, а ударные дрели стали обычными. Упор делался на количество продукции,

причем, чтобы повысить это количество, не цеха расширяли, а уменьшали функциональные возможности приборов и количество производственных операций. Да, продукции стало немного больше, а в головные министерства пошли отчеты о перевыполнении годовых планов в рамках текущей пятилетки.

Но что-то сделал я сам, как руководитель города, для наших бывших директоров. Так в обкоме мне удалось пропихнуть создание городского управления шахтным хозяйством города и района. Вот туда и перебрались наши бывшие руководители частных шахт, главбух и несколько ведущих инженеров. А также была увеличена штатная численность отдела Кирилова, крайне необходимая для надзора за предприятиями города. Туда также перешли несколько наших бывших директоров и их замов, такие, как Чайкин и Викторина, Сусь, Шабанов, Шадина Надя. Донов был назначен директором СМУ, к нему ушли начальниками участков или прорабами Хмельников, Семаков, Делянин, а Ирхин с помощью товарищей и личной инициативы смог получить должность начальника отделочного управления.

Всем нам было больно смотреть на творимую модернизацию и такую интенсификацию производства, которую вводили присланные руководители, и мы, ветераны, по мере сил бодались с новым руководством. Однако лично я устраивать глобальные разборки не собирался. У меня были другие планы на будущее, хотя под давлением товарищей кое-какие те-

лодвижения совершал.

В течение второй половины года по сигналам с мест от инициативных трудящихся, нашей милицией по указанию партийного актива города, считай моему, была инициирована и проведена первая проверка деятельности новых директоров, которые в перспективе должны были стать ежегодными. И пошли в обком партии и в министерства в Москву отчеты о результатах проверки деятельности новоиспеченных директоров и их новоприбывших заместителей в противовес бравурным отчетам самих директоров.

Кроме всей этой производственной борьбы, отнимавшей мои силы и нервы, я постепенно привыкал быть начальником города, вникая во все аспекты деятельности первого секретаря. Набираясь опыта и обвыкаясь, я все активнее выступал на собраниях и заседаниях в обкоме партии. Правда в противоборство с генеральной линией партии и руководством области не лез, на словах, а иногда, если они мне казались разумными, то и делом, поддерживая решения местных вождей. А в основном «под шумок» пробивал фонды на развитие городской инфраструктуры, детского досуга, жилищно-коммунального строительства, развитие транспорта, городских культурных учреждений. Бумагу марать я научился еще в 21 веке, поэтому обкомовцы зачитывались моими опусами по обоснованию архиважных дел, которые мне было необходимо совершить на пользу города.

– Вот товарищи, учитесь у Кольцова, как надо готовить

документы для обоснования потребностей города. Все изложено ясно и наглядно с цифрами и расчетами. Сказывается большой опыт на руководящей работе в армии и МВД!

На совещаниях в шахтинском горкоме я встречался и общался с новыми директорами предприятий. Мне было сложнее работать, чем Горяеву, который мог попросить на важное для города дело деньги и кооперативы в нужное время выделили бы трудовые ресурсы или необходимую сумму, которая позже гасилась бы городом заказами или взаимозачетами. Сейчас же я такой возможности я не имел, поэтому настойчиво рекомендовал взять на содержание тот или иной творческий или спортивный детско-юношеский коллектив, поручал обустройство прилегающей к заводу территории. Директора скрипели, жаловались на сложности, но, в общем, понимание я находил, или выжимал его из них.

В отличие от наших ребят, эти были временщики, поэтому их особо ничего в жизни города не интересовало, не болели они за него, пересидевшая здесь время для будущего карьерного роста в столицах.

После временного затишья городская жизнь оживала, ведь для рядовых сотрудников предприятий принципиально ничего не поменялось, как работали, так и работали, разве что в зарплате хорошо потеряли, попав на государственную тарифную сетку.

Городская творческая жизнь снова набирала обороты. С уходом ветеранов в студии танцев или народный театр за-

писывались новые горожане, занимая освободившиеся места, ведь свято место пусто не бывает. Однако сам я перестал сочинять для театра сценарии, некогда было, да и желания уже не было. Митрофан лишь вздыхал, когда мы собирались на праздники или творческие посиделки, вспоминая молодость, то есть период активного творчества с ежегодно выдаваемыми новинками. Второй год никто наш народный театр на гастроли не приглашал.

Наш ВИА стал уже заслуженным коллективом, со своей репутацией и связями. Пусть он и не выдавал суперхитов, а у него появилось много конкурентов и подражателей, но он пользовался популярностью в стране, и жил своей гастрольной жизнью, все чаще бывая в Москве. Я тоже не лез туда. Период становления, когда нужна была помощь товарищей, они прошли и сейчас они сами были «с усами».

Спортивная жизнь в городе также бурлила. Новые детишки записывались в секции, лучшие так же ездили на районные или областные соревнования. Выстрелил лебединой песней Горелин, сильно согнавший свой вес из-за очень сильного противника Абрамова и вернувшийся в полутяжи, взял первое место на Союзе и одолел всех соперников на чемпионате Европы 1961 года. Однако, в этом году последние из плеяды боксеров, чего-либо добившиеся на союзных и мировых первенствах, Васенин, Горелин и самый младший Шаламов после чемпионата сошли с ринга.

Велосипедистов, легко- и тяжелоатлетов уровня предыду-

щих мастеров не появлялось, в остальных видах яркие звезды также пока не загорались. Были лишь локальные успехи на областных соревнованиях.

Дома дела тоже шли вполне ровно. Лена и Галя работали, а свободное время, которое раньше они проводили на репетициях, сейчас посвящали дому и огороду. Ребята подросли, Сане было уже 15 лет, он повзрослел, вытянулся, тренировки сделали его достаточно широкоплечим и физически развитым юношей. Стал интересоваться противоположным полом. Леня тоже был крепеньким мальчишкой в свои 13 лет, но у него пока были другие интересы. Много времени оба парня проводили в секциях рукопашного боя, баскетбола и футбола, что-то мастерили в кружке юного техника, учась вырезать, выпиливать, высверливать и собирать, короче говоря, гвоздь могли забить.

В апреле, кроме отмечания дня рождения Лени, произошли великие события в жизни страны. До этого месяца наши ученые уже запустили несколько искусственных спутников Земли, отправили даже на Венеру. Но 12 апреля стал поистине эпохальным днем – первый полёт человека в космос, который совершил Юрий Алексеевич Гагарин на космическом корабле «Восток». Вся страна была в какой-то мощнейшей эйфории. Как секретарь ЦК КПСС Л. Брежнев курировал вопросы военно-промышленного комплекса, включая развитие космической техники. За подготовку первого полёта человека в космос он был удостоен звания Героя Соцтру-

да.

16 апреля Федя Костров, то есть Фидель Кастро объявил о социалистическом пути развития страны, войдя в зону влияния СССР, став на долгие годы нашим самым надежным партнером в мире.

Попутно шла военная возня в Лаосе, Южном Вьетнаме против французской колониальной администрации, центральной Африки, французы высадили войска в Алжире и Тунисе, борясь за свои колониальные интересы, Ангола включилась в борьбу за независимость, военный переворот произошел в Южной Корее, которая что-то затевала против Северной. Все это обсуждалось на уличных посиделках и в курилках на работе.

А у нас жизнь шла своим порядком, близилась череда майских праздничных дней. Теперь уже мне, как руководителю города, надо было организовывать всякие субботники и праздничные демонстрации, а затем рапортовать в области об их успешном проведении. Но ничего, справился я и с этим делом. Мне надо было показать, что и при мне город успешно развивается и выполняет все заветы Ильича и партии.

Глава 4. Новое увлечение

Как руководитель города я не мог пройти мимо наших де-тищ – баскетбольной и футбольной команд. Они были на ба-лансе МВД, являясь поставщиками игроков, в первую оче-редь в «Динамо», хотя в самих командах было кадровое за-тишье, не появилось ярких игроков.

К сожалению, ряд ведущих баскетболистов после Олим-пиады тоже, либо закончили играть, либо разъехались по другим кубам. Так после Олимпиады в киевский «Строи-тель» уехали братья Павловы, естественно, не играли Арте-мьев и Кузнецов, сошел Миша Роев. Но, несмотря на это, заряд, полученный в далеком 1957 году в турне по США, до сих пор горел в уже заматеревших олимпийских чемпионах Сане Танове и Артеме Языкове, так что вся игра новой мо-лодой команды строилась вокруг них. Появлялся на площад-ке на несколько минут и мой Сашка Кольцов. Команда три прошедших года реально боролась за призовые места, но с уходом практически всей стартовой пятерки сдала позиции и боролась за середину места в «классе А», ни о какой борь-бе за золото никто сейчас не заикался.

Тожe самое наблюдалось и у футболистов, после резвого старта, сейчас они держались в середине турнирной таблицы «класса А». Сам я, став секретарем горкома, играть прекра-

тил, и в клубе не осталось футболистов, что-либо выигравших, потерялся дух победителей. Кто-то закончил карьеру, а «золотой состав» разобрали еще в 1957-58 году столичные клубы и теперь парни доигрывали в Москве, Питере, Киеве, Ростове.

Ничего умного или свежего я предложить не мог, в стране повысился класс многих команд, раскрылись, достигнув футбольной зрелости, многие самобытные и сильные игроки, все команды переходили на бразильскую схему игры. Теперь и нам было тяжелее пройти защитные порядки соперника из-за появившихся защитников-волнорезов. Вот размышляя над этим, сидели мы с Олегом Яцениным и Артемьевым в тренерской комнате футбольного клуба и чесали репу, что можно сделать для обеих команд.

– А что тут сделаешь, мужики! Если нет в команде звезд, нет даже хороших разыгрывающих и нападающих!

– Это точно, но может ты, Палыч, что-нибудь придумаешь, поделись соображениями!

– Ничего нового я не придумаю. Тренировки у нас стандартные, то есть ребята тренируются как физически, так и технически по разработанной системе и в техническом плане они лучше многих соперников.

– Согласен, в этом компоненте мы не хуже многих команд соперника, а то и лучше.

– Посмотрел я на игру команд в матчах первенства и ощущение, что вместо нашей игры, которую показывали игро-

ки 50-х годов, сейчас по полю бегают какое-то стадо. Вместо ударов по воротам они пытаются играть «до верного», то есть чуть ли не закатить мяч с метра в ворота, а это часто не получается – не дает соперник. Потом, вместо четкого движения по своим линиям, вижу какое-то броуновское движение, то кучкуются в одном месте, а рядом зона пустая, то стоят прикрытые игроками соперника или непонятно куда смещаются. Как сказал Старостин об одном игроке сборной страны, с кем я тоже играл когда-то, глядя на его действия на поле, «куда бежит, зачем бежит». Так и наши куда бегут, зачем бегут – то втроем бегут неизвестно зачем в угол поля, когда надо быть в центре, то торчат на стороне своих ворот, когда надо создать давление на ворота соперника и так далее.

– Что ты предлагаешь?

– Искать новые таланты, это первое, а второе, что более реально, так это наладить четкую игру. Через год на чемпионате мира швейцарцы с тренером Раппаном покажут интересную модель игры, названную в будущем «швейцарский замок».

– Это что за замок Раппана?

– Четкая расстановка игроков по местам, игра с подстраховкой в защите, Такой игрой они остановят и немцев, и чилийцев, и итальянцев на чемпионате мира в 1962 году. А аргентинец Эленио Эррера, тренирующий сейчас испанцев, разовьет на ее основе модель игры «каттеначио», которую успешнее всего станет применять миланский «Интер», куда

тот перейдет тренером из сборной Испании. Я противник такой игры, когда вся команда, забив гол, уходит в глухую оборону, но в нашем случае, соперник должен вязнуть в наших порядках, а порядок бьет класс! Эта истина очень часто подтверждается, вот ее мы и будем применять в футболе.

«А мне что делать?» – спросил Игорь Артемьев.

– То же самое, Игорь, ты проигрываешь в тактике соперникам. «Столбов», какими в свое время были вы, когда вы вставляли под кольцо и закидывали все, что летело к вам, у тебя нет, да и правила немного поменялись. Сейчас у тебя все легкие форварды и защитники, значит, надо брать физикой, чтобы играть весь матч в высоком темпе. Чаше меняй игроков, а то ты взял моду у «ЦСКА», у которых практически весь матч играет стартовая пятерка. Нет у тебя Белова и компании из таких же мощных игроков, значит, играй двумя составами посредственных игроков, чаще меняй ребят на площадке и... Пусть больше тренируются бросать со средней дистанции, чтобы забивали в игре хотя бы треть своих бросков. И в матче надо чаще бросать, а не водить мяч до 24-й секунды. Эх, нам бы Уилта Чемберлена в команду – всех бы порвали.

– Вот умеешь ты задать новое направление приложения сил. Как насчет игры? Может, выйдешь на площадку?

– Ну какой из меня игрок, я практически не тренируюсь, легкая разминка, не более, да и старый уже, а в баскетболе, так вообще, мяч потеряю на пустом месте. К тому же я

теперь «городская голова» и меня не поймут ответственные товарищи, если я в трусах, хоть и спортивных, буду по полю или площадке бегать.

– Саш, мы же договаривались, что ты несколько матчей проведешь, помоги на первых порах реализовать твои советы.

– А я и провел в апреле, а сейчас лето.

– И мне в баскетболе! Хотя на тренировку приди, объясни всё моим подопечным.

– Хорошо, займемся вместе этим делом, хотя всё вы, товарищи тренеры, прибудняетесь, все сами понимаете, просто пока идею не «оформи́те в мысль» и не начнете ее реализовывать.

Так я снова, несмотря на занятость в городских делах и статус «очень ответственного работника», оказался в гуще спортивной жизни города. Пришлось приходить на тренировки и объяснять измененную концепцию игры. Мы с секундомером замеряли скорости движения игроков в течение игровой пятиминутки, потом меняли их на свежих баскетболистов. Смотрели записи реальных матчей первенства и так же рассчитывали скорости соперников и наших ребят. А потом отрабатывали тактику обстрелов кольца со средней дистанции и убегания в отрыв одного, а чаще двух форвардов. Часто в игре один из защитников соперника все же остается сзади и мешает нападающему забить мяч, вот чтобы «разобраться пасом свободному» с такими защитниками и убегать

ли в отрыв двое наших нападающих. В общем, искали варианты игры при имеющихся игроках.

Это не замедлило сказаться на результатах игр. Взвинчивая темп атак, ребята обстреливали кольцо соперников со средней дистанции или, ставя заслоны, подходили ближе к кольцу, ловя на подборах отскочившие мячи. Частая смена играющей пятерки особенно сказывалась к концу матча, когда отдохнувшие ребята дожимали уставшего соперника. Команда поползла к верхней части таблицы и у болельщиков в прогнозах стали появляться оптимистичные нотки, что такими темпами команда может и оказаться в лидерах первенства.

С футболистами все было и проще, и сложнее. Менять составы на отдых я не мог. Поэтому работали в другом ключе.

«Так, мастера-фломастеры, чтобы вас не искать по полю вашим партнерам все вы также продолжаете бегать с учетом вашей игровой позиции, но будете занимать более определенные места на своей и «вражеской» половине поля. Это не означает, что игрок прибежал именно в эту точку и встал на ней. Это означает, что вы должны придерживаться этого участка поля – считайте это вашей зоной игры. Тогда нападающий просто будет «на автомате» знать, что вы должны быть где-то в этом месте и отдать пас именно в эту зону, практически не глядя на вас. Нет у нас в команде свободных художников класса Воронина или Войнова, значит, будем в построении игры брать порядком. К тому же надо так окру-

жать ворота противника, чтобы было удобно наносить удары по ним, перекрыть все отскоки мяча и возможные направления развития атаки соперника», – давал я указания игрокам на теоретических занятиях с командой.

Так были определены ключевые зоны, где должны находиться игроки в атаке и обороне. Конечно, в процессе игры это не всегда выполнялось, ведь были разные ситуации, но общее построение нашей игровой модели изменилось. На тренировках я играл за команду основного состава, бывало, что смотрел с тренерской лавочки, или выходя на поле за команду дублеров. Изменились и тренировки, силовые упражнения со штангой снижались, а вот бег с мячом, отработка ударов и двусторонние игры, наоборот, увеличивались. Игроки привыкали к новой концепции игры. Главное было придать надежду и уверенность игрокам, что новый стиль поможет им побеждать, бороться за высокие места, а не быть простыми статистами первенства. Это была моя основная задача. Но общую уверенность игрокам я, все же, придал.

В домашних матчах вначале мы крупно влетели «ЦСКА», затем киевскому «Динамо», ребята с трудом свели матч вничью с «Нефтяником» на выезде. После матчей вместе с Олегом, мы проводили разбор их игр, а по сделанным записям, анализируя действия наших и игроков соперника, и дело со скрипом, но пошло. Приехавший в начале июня «Адмиралтеец» Ленинград был грамотно обыгран 2-0, позже ничего не смогли с нами сделать горячие грузинские парни, проиграв-

шие 1-0 в Тбилиси. Одним словом, команда постепенно нащупывала свою игру. Ко мне на улицах подходили знакомые и незнакомые болельщики и жали руки, благодарили меня за то, что удалось вдохнуть жизнь в спортивные коллективы города. Дело кончилось тем, что мы смогли войти в пятерку лучших в своих группах команд, которые выходили в финальную часть чемпионата из 10 команд.

Лето пришло незаметно в делах и заботах. С наступлением теплых дней мы стали чаще собираться нашим коллективом, то у кого-то дома, или на природе. Мы сидели в гостях у Шаламова и обсуждали проходящий чемпионат Европы по боксу и вспоминали Олимпиаду 1960 года.

– Эх, почему на Олимпиаду 60-го не взяли нашего «мистер нокаут» Попенченко, а вместо него Феофанов поехал и проиграл, ведь Валерка же выиграл первенство СССР.

– Да, мужики, жаль, что он на Олимпиаде не выступил, лучше бы Шатков в своем весе выступил, а Валера против Мохаммеда Али вышел бы побороться за победу. Было бы интересно, кто кого побил бы – молодые Валера Попенченко или Кассиус Клей.

– У нас Агеев набирает силу, вот уж неординарный боксер и прямой конкурент Лагутину будет.

– А что скажет наш олимпионик Шаламов? Вовка, ты чего так рано повесил перчатки?

– Сильные боксеры во всех весах появляются или уже есть у нас. Повесил потому, что меня в сборную перестали

привлекать, а просто так надоело удары получать – здоровье важнее.

«Слушайте, мужики, тут случай непонятный мне попался, может быть, что посоветуете, так сказать, свежим взглядом», – заговорил Воронов.

– Давай, поделись.

– Ведет мой опер одно дело, вроде простое, а вроде и непонятное. Сидит у нас в камере один мужичок, Потапкин, сейчас в одиночке, а поначалу был в общей.

– А чего перевели?

– Да на него блатной полез, так тот его одним ударом завалил, еле откачали. Как-то слишком уж профессионально ударил по сонной артерии блатную шестерку. Хотя с виду мужичок обычный, плотненький, но не более.

– А что сам говорит?

– Ну, мол, случайно стукнул, в детстве боксом занимался, но я-то сразу понял, что удар у него поставлен. Как он к нам попал. Повел его аксайский опер в одиночку с Аксая. Мужик в Шахты поехал на автобусе, опер за ним, проводил до дома и обратился к нам за помощью, благо адрес был на соседней улице. Шпаков с двумя бойцами сразу рванули к дому, а мужик того, тю-тю, уже от дома отходил. Но аксаец узнал его, и опергруппа рванула за ним. Он увидел погоню, сунулся в универмаг, мы через несколько минут следом.

– И что, ушел, потом поймали?

– Не-е-т, тут интереснее дело. Взяли его у нас на краже

костюма в городском универмаге.

– Дела, а что такого в Аксае есть, что мужик вас так заинтересовал?

– Как мне доложили аксайские коллеги, есть под Аксаем Мухина балка, рядом с ней расположен большой подземный лабиринт, хе-хе, с целым ворохом легенд о потустороннем мире, якобы там даже ватиканские монахи вход в ад в 1700-х годах искали. Так вот мужичок тот в ручьях в округе набирал водичку, где его заметил местный участковый и заинтересовался этим, а затем доложил куда следует. Уже при обыске в комнате, которую он снимал в Шахтах, нашли несколько бутылочек с водой и подписаны они были, какая вода откуда набрана, а еще фотографии мест окрестных в цвете, красивые фотографии – художественные.

«Что за ерунда, в один день он столько бутылок успел набрать что ли?» – спросил Клепченко.

– Ну, он там уже недельку жил, а у нас в камере второй день.

– Так за что его оформили?

– За кражу сидит до выяснения. Я подал ходатайство в суд о назначении ему содержания под стражей, пока идет дело, хотя судья сказал, что тут подпиской о невыезде вполне можно ограничиться.

– А что говорит про воду и откуда он сам?

– Путешественник в отпуске, любит природу и места разные живописные, а не город. Вот сейчас в отпуске, а прибыл

к нам из Магадана. Потом на море поедет, там отдыхать будет. Отпуск у него за несколько лет в полгода «северных» набрался. А воду берет для здоровья, ищет источник воды из легенд «Аксу».

– Это пока запрос туда дойдет, пока оттуда, а скорее всего «левый» адрес назвал, потом назовет новый адрес, ты снова запрос сделаешь, а там все сроки предварительного следствия пройдут.

«Все верно, Серега», – ответил Воронов Ледкову.

«Я думаю, что чутье разведчика тебя, Миша, не обмануло, и поймал ты не воришку, а профессионального разведчика, который заметив за собой слежку, решил «рвать когти», да не успел», – подытожил я разговор.

– Поясни Сань...

– Именно под Мухиной балкой в горе оборудован большой комплекс или командный пункт СКВО на случай ядерной войны. Занимает он площадь в 2500 квадратных метров. В нем могут разместиться 300 человек и жить автономно, не поднимаясь на поверхность, с относительным комфортом 10 лет. Но самое главное, это то, что рядом с подземельями штаба СКВО есть вход в ещё один интересный объект – лабораторию направленного взрыва. Помните, случай был, до нас доводили, что периодически дрожит земля, и как-то раз шесть жилых домов съехали с высокого склона в сторону Дона.

– Так это что, у нас под носом и ядерные испытания мог-

ли быть? Вот для чего он водичку-то набирал! Хоть взрыв и подземный, но радиационный фон в любом случае в воде будет повышен.

– Да, объект засекречен, поэтому мы и не знаем, чего он там делал, и нам непонятно, как связать его заборы проб воды и Аксай. Но с учетом моих «видений будущего», кстати, там в 2000-х годах исторический музей будет, общая картина нам прояснилась.

– Так что делать, в КГБ сдавать его?

– Можешь сразу сдать, а можешь провести экспресс-допрос, как в войну, но в КГБ обязательно передавай.

«А зачем он тогда воровал костюм?» – спросил Шаламов.

– Так статья за кражу 1 год, а за шпионаж 15 лет, разницу чувствуешь. Вот он и решил попасться на воровстве, когда увидел, что его обложили.

Как позже рассказал Ледков, он не стал удерживать шпиона в местной милиции, пытаясь самостоятельно расколоть его, а после проведенной с агентом безуспешной беседы, передал его дело с письменным отчетом в Ростовское областное управление КГБ.

А дальше после спортивных и рабочих новостей мы на наших посиделках обговаривали текущую ситуацию, перспективы и планы. Все чаще парни, кто имел золотой запас в швейцарских и немецких банках, высказывались за уход за кордон.

– Мужики, потерпите еще, будут и у нас изменения. Если

вы уйдете, то с кем же я их воплощать в жизнь буду!

– Поделись, чего ты знаешь такого?

– В 1964 году к власти должен прийти Брежнев.

– Все же будет переворот? Хрущ-то сильно крепко сидит, такого хрен сковырнешь.

– Ну, как крепко, пока крепко, в стране неурожаи, все симптомы начинающегося голода, кстати, надо делать запасы круп и малопортящихся продуктов, пока они еще есть в свободной продаже. Со следующего года будут снова талоны и дефицит на пару лет. Зарплаты станут задерживать, хотя нас это особо не касается, денег заработали мы много, протянем.

Вечером меня снова обступили мои барышни.

– Саша, ответь нам, откуда ты все это знаешь? Ты так все рассказываешь, как будто сам все это видел, неужели тебе все это голос свыше рассказывает! Мы, сколько ни спрашиваем там, в эфире, ничего не слышим в ответ.

– Все в «околоземном эфире» слышу, Сандага спросите, он еще лучше видит и слышит.

– Саша, Сандаг может быть и видит лучше, но никогда не говорит такие прогнозы, какие постоянно ты выдаешь!

– Рано вам еще знать всю правду, это сильно повлияет на вас и все может пойти не так, как должно.

– Саша, ты же знаешь, что мы умеем хранить тайны!

– Пока рано! Все, на эту тему молчок. Что знают двое, знает и свинья. Придет время, я все вам расскажу, хотя ни-

чего особенного там нет.

– Ты представитель инопланетян?

– Да! Сами догадались или подсказал кто?

– Ладно, раз дело серьезное, то мы подождем.

– Девочки, если бы это принесло бы какую-то пользу нашему делу или вам, я давно бы рассказал. Этого не будет, вы просто удовлетворите свой интерес, не более, а вот то, что это очень опасно для вас самих – это факт.

– Сашка, папа хранит какую-то важную тайну, что даже мамам не говорит, но мы когда-нибудь это узнаем!

– Точно, Ленька, а пока тс-с-с, чтобы нас не услышали.

Случайно проходящие мимо слабо прикрытой двери в нашу спальню, ребята могли стать носителями очень опасной информации, и вся наша жизнь могла бы полностью измениться при неудачном стечении обстоятельств или утечки, естественно по секрету, этой информации.

«Это что за разведчики тут стоят?» – я случайно услышал шебуршание за приоткрытой дверью и, поднявшись с кровати, пошел посмотреть.

– Да мы тут мимо проходили. Слышим, что ты с мамами беседуешь.

– Как у вас там дела в баскетболе?

– Нормально. Играем на первенстве школ города.

– Выигрываете-то в первенстве?

– Третьими идем.

– Это плохо, парни, надо выбиваться в лидеры. Походите

во взрослую команду, потренируетесь там с дублерами.

Я зашел в спальню: «Вот, девочки, случайно бы дети услышали, и что тогда было бы, куда они разнесли бы эту новость, я не знаю. Пусть им не поверили бы, но кое-кто заинтересовался. А сейчас давайте продолжим изучать тему, что бывает, если в кровати лежат рядом мужчина и женщины».

– Кстати, Саш, у нас еще пельменей много сделано, может, пойдем, перекусим перед сном?

– Не, а то получится как в анекдоте.

– ???

– Муж наелся домашних пельменей, завалился в кровать и с тяжелой одышкой рассказывал жене, чтобы он сделал в кровати с ней, если бы не обожрался пельменями. Поэтому меньше слов и еды, а больше дела.

Следующую неделю мы занимались домашними делами, купали и завозили домой в закрома родины крупы, муку и консервы. В стране из-за неурожая уже стали наблюдаться первые ласточки следующего за этим продуктового дефицита.

Приехала Евгения Вагнер, привезя на лето Пашку. В июле, в разгаре летних отпусков, по партийной линии я мог бы получить путевку в ведомственный санаторий или дом отдыха средней руки, но только себе и Галине с Леной. Остальные бы путевки не получили. Поэтому мы купили недельный тур в наш дом отдыха на всех, где от души отдохнули, а затем отправились на пару неделек дикарями в путешествие

по черноморскому побережью Кавказа, а именно поближе к Турции в солнечную Абхазию.

– Вот ваш дом отдыха, это нечто, а вот путешествие по вашим частным домам на побережье, где все удобства во дворе, комнаты и кровати, как для военнопленных – это жесть. Это не 5* отель «Негрэску» в Ницце, где мы в прошлые годы отдыхали с Паулем.

– Что делать, это Россия. Тут хорошее обслуживание можно получить лишь в санаториях для руководителей высокого ранга, а для народа «итак сойдет».

– А есть ли решение?

– Нет, а зачем напрягаться. Те люди, от которых что-то зависит, итак получают услуги по полной программе, которую могут предложить местные санатории. Наш-то дом отдыха мы для себя делали, ну и всех своих рядовых сотрудников туда пускали, пусть попробуют организованного «для людей» обслуживания, а не «если не нравится, езжайте к себе домой».

Конечно, вспоминая советские годы, зачастую в «не сезон», путевки доставались гражданам довольно дешево, да и в сезон часть оплачивало предприятие, хотя, что мешает поднять зарплаты, чтобы советский труженик мог спокойно оплатить себе путевку «не куда дадут», а куда хочет, и не требовались бы дотации родного предприятия. Но вот беда, покупать на них нечего – был дефицит вообще всего, и не будешь же все тратить на курорты – вот и не поднимали зар-

платы. Да и все эти дома отдыха с санаториями оставляли желать лучшего, начиная с проживания в комнатах на четверых.

Это, естественно, отсутствовало в санаториях для партийной и производственной номенклатуры, те жили нормально и в свое удовольствие, и номера у них были отделаны намного лучше «стандартных для народа», было и другое питание. Много плюсов было в СССР и главный плюс – это стабильность и социальная защищенность граждан, но везде было разделение «для рядовых граждан и для элиты». Хотя в то время это было не так явно видно, как после 1985 года, когда к власти пришел товарищ «меченый» и маятник явного расслоения начал раскручиваться сильнее и сильнее.

Но ничего, море чистое и теплое, рядом горы, туристические маршруты, местная кухня, в общем, все это компенсировало недельные неудобства быта.

Это мы ворчали, а парни оттягивались на море, как могли. На танцплощадки мы не ходили, там было много горячих кавказских парней, так что решили не испытывать судьбу. Хотя всем отдых понравился, это не в карьере лопатой махать.

А еще взамен моего старенького авто, Евгения привезла мне в качестве подарка от фирмы мощный представительский «Mercedes-Benz W180» 1959 года выпуска, а также кучу деталей к нему и моему верному стальному коню – еще военному лимузину «Mercedes-Benz 200». Когда она подь-

ехала на нем к моему дому, посмотреть на чудо немецкого автопрома сбежались все пацаны и мужики поселка.

У нас в стране бегали, даже в качестве такси в Москве и Питере, наши вместительные и элегантные шестиместные седаны «ЗИМ», а после переименования завода в Горьковский автозавод – «ГАЗ-12». Его можно было купить в свободной продаже. Цена автомобиля в 1960 году составляла 40 000 рублей – целое состояние при тогдашней средней зарплате в 700 рубликов, престижная «Победа» стоила 25 000 рублей, а «Москвич – 400» – 11 000. Так что очередей за «ЗИМами» просто не было, а их основными покупателями была советская научная и творческая элита из числа тех, кому напрямую персональный автомобиль не полагался. Стоит отметить, что по архивным данным, себестоимость изготовления каждого «ЗИМа» составляла в районе 80 000 рублей, то есть, превышала назначенную автомобилю розничную цену примерно вдвое. Получалось, что чем больше завод выпустит автомобилей, тем сильнее загонит себя в долги – непонятная экономика.

Но эта игрушка стояла в гараже, а на «моря-окияны» мы поехали на поезде, забив своей бандой два купе. Нас было семеро, да еще взяли Пашку Кирова – товарища моих ребят по увлечениям, отдыхающего с июля месяца в пионерлагере в Шахтах.

Вернувшись из отпуска я провентилировал обстановку в области, съездив в обком, но у них также была пора отпус-

ков, так что там была тишина. Успокоенный такой ситуацией, я вернулся к себе и стал дальше неспешно делать вид, что управляю районом, то есть, разъезжать по предприятиям, колхозам и совхозам района, встречаться с руководителями, проводя выездные совещания, на которых ставились задачи местному руководству углубить все то, что углубляется и расширить все то, что расширяется. Ибо, чем больше совещаний, тем лучше показатель твоей активной работы, в общем, занимался обычной рутинной руководящей деятельностью. Я ждал известий из столицы.

В сентябре прикатил наш Леонид Королев, повзрослевший и набравший мышечную массу. Когда я был постоянно рядом, это особо не замечалось, а вот не видя его больше полугода, оказалось, что он физически укрепился.

– Леня, какого хрена ты бросил ЦСКА?

– Закончилась моя служба, вот я и вернулся. Понимаешь, Палыч, нет у меня там игры, какая мне нравится. Другие тренировки, другие установки, не идет там у меня игра так, как в то время, когда ты тренировал. У наших бывших ребят тоже там не все ровно, будут сходить парни сами или попросят. Просто они хотят остаться в Москве, а то бы вернулись в команду. А вы тут снова решили встряхнуться, думаю, что лишним не буду.

– Да, Леонид, лишним ты не будешь, нам нужен лидер в команде. Думаю, что изберем тебя ее капитаном, будешь снова тащить «Гелиос» к вершинам спорта.

В сборную Качалин почему-то игроков ЦСКА не привлекал, кроме Мамыкина, который тоже играл нерегулярно, а время Шестернева и Пономарева еще не настало. Так что, отслужив «срочную», Леня Королев несмотря на предложения остаться в ЦСКА, вернулся в «Гелиос».

Известие о том, что в команду вернулся центрфорвард Королев вмиг облетело город. Болельщики подходили к нашему дому, куда снова в своей комнате поселился Леонид и ждали, чтобы увидеть его, поговорить, позвать руку.

– Леня, к слову говоря, придется тебе разыгрывающим играть и в баскетбольной команде, если будет возможность по времени. Я бы сам поиграл, да старый стал, не успеваю на баскетбольной площадке за молодыми.

– Не вопрос, сыграем.

Недельку отдохнув и повидав родителей, Леонид включился в тренировочный процесс и игры чемпионата. На домашние матчи я все же несколько раз выходил, являясь основным распасовщиком команды, снабжая мячами, в первую очередь Леонида, и исполнителем штрафных ударов. За сезон смог заколотить 7 мячей в десяти матчах, в которых принял участие, в основном, с пенальти и штрафных возле чужих ворот.

В домашних матчах баскетбольного «Гелиоса» Леня Королев играл тоже главного распасовщика команды, да и сам частенько забивал. В играх с аутсайдерами первенства Артемьев за команду также стал выпускать довольно крупного

для своих лет Сашку Кольцова.

Но, конечно, основной упор делался на футбол. Были одержаны победы во втором круге в играх с тремя московскими командами и ростовским «СКА», и еще в ряде игр, после чего команда подтянулась к пятерке лидеров чемпионата. По концу сезона «Динамо-Гелиос», заняв итоговое третье место, обойдя ростовский «СКА», который закончил первенство девятым, и «ЦСКА» с его четвертым местом в чемпионате. Помог нам Леонид, ничего не скажешь, команда с его приходом, как будто воспрянула духом. А я неофициально получил, скорее, юмористический приз, самого древнего игрока класса «А».

Вот в начале декабря Яценина вызвали в Москву в Госкомспорт в федерацию футбола. Он приехал очень загадочный и, собрав команду и меня заодно, поделился новостью.

– Мужики, вы не поверите!

– Что случилось-то, Олежек?

– Наш клуб пригласили в Испанию.

– Да ну ладно, не рассказывай сказки, чтобы советский клуб во франкистскую Испанию?!

– Да, «Реал» устраивает какое-то там празднование в честь себя любимого, вроде скоро 50 лет его образования будет.

– А наши руководители что говорят?

– Предложили нашего чемпиона – киевлян, но испанцы настаивали на «Гелиосе».

– Что же делать, езжайте за победой.

– Палыч, как же без тебя, ты уж давай с нами.

Конечно, мне очень хотелось сыграть против «Реала» и я дал согласие. Взяли мы и Сашу Кольцова, который был заявлен за команду в этом году. Перед католическим Рождеством команда улетела в Москву, а оттуда самолетом в Испанию.

«Да, великолепен «Сантьяго Бернабеу», лучше всех наших стадионов, – проговорил я, когда мы вышли на легкую разминку.

К нам подошел главный тренер «Реала» и его бывший игрок Мигель Муньос: «Кого я вижу, мистер Кольцов, ты до сих пор в строю».

Я протянул руку, и мы дружески обнялись. В далеком 1958 году Мигель был в составе клуба, когда «Реал» проиграл ЦСКА в финале турнира в Милане.

– Мистер Муньос, Мигель, я не мог не приехать на ответную встречу.

– А-а-а, помнишь тот матч!

– Да, матч с великим «Реалом» – это запоминается на всю жизнь. Если бы мы играли в вашем чемпионате, это одно дело, а так мы никогда не встретились бы на поле, если бы не ваше приглашение.

– Хочу сказать, Алехандро, что мы побаивались, если тогда, в далеком 1959 году, ваш клуб вступил бы в борьбу за кубок чемпионов.

– Мигель, но ведь вы проиграли «ЦСКА», а пригласили

«Гелиос»!

– В «ЦСКА» уже не играет ни один чемпион мира, точнее они просто доигрывают, и сам клуб ниже вас в турнирной таблице, а проиграли тогда мы, в первую очередь, чемпионам мира Королеву и Кольцову. Вот и решили наши ведущие игроки пригласить вас и посмотреть, чего вы стоите.

– Да, нам бы встретиться бы в 1957-59 годах, сейчас мы намного слабее будем.

– Алехандро, ведь и мои парни не молоды – Пушкаш, Ди Стефано, ведь им уже по 35 лет. Так что надеюсь на красивый футбол, вспомним молодость.

В общем, на этот турнир приехали действующий обладатель кубка чемпионов португальская «Бенфика», двукратный обладатель кубка Либертадорес и межконтинентального кубка уругвайский «Пеньяроль» и «Реал».

Парни «скакали» по гостинице от возбуждения – какие соперники, толи бояться, толи радоваться, что заштатному клубу выпала возможность сыграть с легендами мирового футбола.

Турнирная сетка была продумана организаторами, чтобы было удобно «Реалу», а нам было все равно с кем играть. Правилами турнира разрешалось до трех замен.

Первым нашим соперником оказалась «Бенфика». У соперников на поле оказался сдвоенный центр нападения в лице Жозе Агуаша и только начинающего свою карьеру Эйсебио, здорово растерзавшие нашу оборону. У нас на поле бы-

ло оба Кольцова – очень старый и очень молодой. Португальцы всегда были тяжелыми соперниками для советских и российских команд, мы им постоянно проигрывали, разве что «ЦСКА» обыграл «Спортинг» в 2005 году.

В технике парни ничуть не уступали португальцам, красиво обводя их или перекидывая мяч друг другу, а вот в завершающей фазе мы им полностью проиграли. Первый гол турнира забил Леня Королев, а матч закончился 1-3 победой «Бенфики» с голами Агуаша, Колуны и Эйсебио. «Реал» обыгравший «Пеньяроль» в межконтинентальном кубке в прошлом году, рубился с ним, точнее говоря, именно уругвайцы с испанцами насмерть, и выиграли у «Реала» 2-1, где здорово проявили себя Педро Роча и Спенсер. А вот с уругвайцами нам было легко играть, и мы их одолели тоже со счетом 2-1. Голом отметился я и Саня Кольцов, вышедший на замену в конце второго тайма, причем нам пришлось отыгрываться после гола, который нам забил восходящая звезда Уругвая Луис Кубилья. «Реал» разгромил «Бенфику» 3-0. Настал день последнего матча. Эквадорец Спенсер забил гол и «Пеньяроль» выиграл у «Бенфики» 1-0.

Судьба первого места снова решалась в последней игре турнира между «Гелиосом» и «Реалом». Но в этот раз соперник нам шансов не оставил, по пониманию игры и классу игроков они были выше на голову, чем наши ребята. Королев с игры, а я со штрафного снова забили по голу, а наш вратарь достал из сетки пять мячей – хет-трик Ди Стефано,

голы Пушкаша и Хенто, стадион «ревел», когда забивались голы. «Реал» и «Пеньяроль» имели по 4 очка, но по разнице забитых и пропущенных мячей победу одержали хозяева турнира.

Я и Леня Королев пожимали руки и обменялись футболками с Альфредо и Ференцем, Саня Кольцов с Пако Хенто, ребята с другими игроками испанского клуба.

«Да уж, лет бы 15 сбросить, играл бы получше, а так только пасами старался вывести нападающих на ударную позицию, но голевыми они оказались только у Леонида и Кольцова младшего», – вспоминал я перипетии турнира.

Так что мы героически заняли последнее место, но ничего, зато валюту заработали для федерации, а сами смогли поиграть против великих игроков и клубов. В «Советском спорте» была статья, посвященная турниру, где говорилось, что мы здорово обыграли южноамериканского чемпиона, а в самом внизу одной строкой кому мы проиграли, а в музее города Шахты добавились выменянные футболки звезд этих клубов.

А ко всему прочему в этом году, пока было время, я занялся своим хобби.

«Саш, что ты опять задумал, ходишь и как будто, в облаках летаешь?» – обратилась ко мне Галя.

– Знаешь, Галочка, я уже привык быть чем-то занят. Вот и сейчас сценариев не пишу, ничего не сочиняю, а потребность есть.

– И что ты теперь задумал? – подключилась к разговору Лена.

– Книгу напишу.

– О чем, позвольте узнать?

– О войне. Сейчас много талантливых авторов-фронтовиков пишет о ней, как мемуары, так и романы. Мемуары писать скучно, а вот приключенческий роман в нескольких сериях о героине-разведчице вполне можно и придумать.

– И как ты материал будешь набирать, снова из своих личных походов?

– Да, почему бы не описать похождения бравого лейтенанта в годы войны.

– То есть, писать будешь о себе или о вымышленном герое, с участием вашей бригады или нет? А мы там будем?

– Нет, вас мне и тут хватает с головой, еще в книге я о вас не писал. Личные дела пусть остаются личными, а в моих книгах вся личная жизнь главного героя вымышленная. Герой будет придуманный или списанный с кого-то из наших парней, а вот подвиги будут те, которые мы с бойцами нашей бригады совершали в действительности. Еще не решил, будет ли герой продвигаться по служебной лестнице или останется бойцом того же разведбата. Хотя склоняюсь к тому, что он останется где-то в диапазоне званий лейтенант-капитан из армейской разведки, максимум комбатом сделаю. Пусть это будет просто приключенческая книга о буднях советских солдат в годы войны без всякой политики и высоких

сфер. К тому же надо цензуру будет пройти, поэтому поубирать из повествования всяких экстрасенсов, дары предвидения и описание личных встреч со Сталиным и высшими командирами. Это сейчас не пройдет.

– Ну что же, займешься делом, может новое увлечение встряхнет тебя, а то действительно, ты как-то изменился.

– Все мы изменились вместе с новыми веяниями.

– А печататься где будешь?

– Да в нашей типографии, я все-таки председатель городского совета народных депутатов, так что уж обеспечу себе внеочередное издание своего труда, главное написать «шедевр», а там пусть народ читает.

– Да, а любовь там будет?

– Вот про любовь вы мне сами поможете написать, как он встретил ее, а она его, и чтобы не сразу они полюбили друг друга, а после сложных маневров. Так что придумывайте, чтобы не только мужики, но и дамы читали книги, вздыхая под луной о любовных похождениях главного героя и его подруги.

– Все за вас, мужчин, делать приходится, сами ни на что романтическое неспособны.

Так в свободное время я и засел за написание книги. Раздражало отсутствие компьютера, на котором можно было все легко исправить. Но ничего, писал рукописи, затем печатал на машинке, одним словом трудился.

Эта новость разлетелась вначале по нашим друзьям, а за-

тем и среди культурной части города.

– Палыч снова за «писанину» взялся, только теперь не для театра или киностудии сценарии пишет, а целую книгу, даже сериал выдать хочет!

На наших товарищеских встречах-посиделках в выходные, мы с ребятами обсуждали сюжет и вспоминали эпизоды, которые можно было бы внести в повествование. Естественно, не обошлось без включения в повествование моих друзей, правда, под другими фамилиями. В любом случае, герой-то не один воевал, с ним служили его товарищи и подчиненные. Так и получалось, что реальные герои войны плавно переключивались на страницы книги.

Вот был написан первый том, за ним подошла очередь второго и третьего.

Решил не вызывать к себе в горком, а лично приехать в типографию, чтобы пообщаться с ее директором и, одновременно, главным редактором, а затем и с редакторским отделом издательства. Навстречу мне вышла ее новая директор Людмила Сергованова.

«Здравствуйте! Людмила, вот я тут рукопись принес, отдайте ее вашим специалистам, пусть почитают, да в набор и отправляют, – прибыв в редакцию, я разговаривал с новой директоршей, – вот решил на старости лет заняться написанием книг».

– Ой, Александр Павлович, значит, точно народ говорил, что вы решили книги писать, самой интересно почитать о

ваших похождениях!

– Да там не совсем я, там скорее вымышленный герой, такой, каким мне хотелось бы быть в жизни, конечно намного более геройский, чем я в реальности.

– Ну, естественно, вымышленный! Наверное, там все герои вымышленные!

Мы оба рассмеялись.

А дальше она поручила «довести меня и рукопись до кондидии» начальнику редколлегии Бязыревой Насти и началась работа с сотрудниками типографии по редактированию и корректуре моего труда. Наши городские критики написали очень хорошую рецензию на книгу, так что труд очень быстро пошел в народные массы, вначале в нашем городе, как развлекательное чтение.

26 октября 1961 года начался XXII съезд КПСС. Конечно, это событие было эпохальным в истории государства и люди того времени действительно с интересом следили за новостями съезда, обсуждая газетные репортажи обзоры в вечерних новостях из нового дворца съездов. Этот съезд стал апофеозом политической мощи Хрущева – никогда раньше он не был так «непотопляем». В своем докладе на съезде он и обещал капиталистам показать знаменитую «Кузькину мать».

Дело шло к концу года, когда мне позвонил Борис Полевой.

– Александр, ты бы заехал в Москву, теперь о твоей книге в столице говорят. Сам с удовольствием прочитал, даже обо

мне и Маресьеве ты упомянул.

– Заеду, раз надо, а что там вообще предполагается?

– Ты же теперь еще и писатель, надо бы в наш Союз вступить, ты же не начинающий самиздат, а уже бывалый автор. Да и перед читателями надо бы выступить с целью популяризации трилогии и вообще, поделишься личными воспоминаниями о войне.

– Все понял, Борис. Когда надо быть – буду.

Так я стал еще и членом Союза писателей страны. За неделю, находясь в Москве, провел ряд встреч с любителями литературы столицы, выступил с докладом на итоговом литературном заседании Союза, проводимом в конце года.

Все эти сопутствующие дела оказали мне хорошую услугу и на основной работе. В обкоме я был на хорошем счету, считался хорошим хозяйственником и принципиальным борцом за идеалы социализма, ведь в кулуарах я вполне адекватно поддерживал нужных людей, так что моя характеристика для Москвы была вполне благожелательная.

Глава 5. Что год грядущий нам несет?

Мы семейно встретили новый 1962 год, а уже второго января я был вызван в Москву к председателю Президиума Верховного Совета СССР Брежневу, должность красивая, но в большей степени «представительская» из-за отсутствия реальной власти.

– Здравствуй, Александр! Пришло и твое время перебраться в столицу. Как твоя команда, готова?

– Будет готова в кратчайшее сроки. Мне нужен хотя бы день, чтобы поставить их перед фактом, для какого дела они потребуются, по крайней мере, бывшее руководство.

– Хорошо, но сейчас еще не созрела политическая ситуация, нет у нас сил свалить Хруща. Когда говоришь, мы начнем действовать?

– Действовать мы начнем на пленуме в 1964 году. Но надо провести действительно большую подготовительную работу по вербовке сторонников и нейтрализации силовиков.

– Говоришь, меня как временную фигуру рассматривают?

– Как временную, потому, что и Шелепин, и Подгорный, и некоторые иные товарищи видят себя лидерами государства.

– Ничего, Саня, мы еще побарахтаемся.

– Это точно, Ильич! Кстати, нам очень большую службу сослужит заведующий отделом административных органов ЦК КПСС по союзным республикам, бывший гэбист генерал-майор Николай Миронов. К тому же у него личные счета с Серовым и Козловым.

– Да, Миронов мой товарищ по работе еще с Днепрпетровска, он тоже будет участвовать в заговоре?

– Умный мужик и школа НКВД-ГБ чувствуется. Он очень хорошо тебе поможет. Кроме того начались неурожай, которые также очень сильно повлияют на политическую ситуацию в стране и позиции Хрущева уже в этом году. Вот тут трон под Никитой и зашатается.

– Все равно, Саня, все будет решаться здесь в столице.

– Это точно, как говорили вожди революции, для победы надо собрать нужный кулак в нужное время в нужном месте.

– Понял тебя, значит, готовимся дальше. Сейчас иди в кадры ЦК КПСС, там на тебя дело завели, – глянув на мое вытягивающееся в удивлении лицо, продолжил, – шучу, оформлен твой перевод в аппарат Презилиума верховного совета КПСС. Так что давай, январь тебе сроку передать дела и с февраля приступай. Все бытовые вопросы решишь в отделе управления делами.

«Слушаюсь!» – четко ответил я, пожал руку Ильичу второму и убыл для решения текущих дел.

«История пришла в движение, завертелось колесо совершенно новых событий, в которых и я смогу принять уча-

стие», – такие мысли посещали меня, пока я шел коридорами учреждения в нужные мне отделы.

Дома все было организовано по накатанной колее. Вначале я уехал один, чтобы зацепиться за новое место, освоиться, стать своим среди чужих, потому что я понимал, что своих там у меня практически не будет. Там, где большая власть, друзей нет, есть только интересы. И чтобы удержаться и растолкать остальных, желающих быть у Олимпа, надо будет приходиться со своей командой. И никаких сантиментов, лучший враг – мертвый враг, но в данном случае, просто вытолкнутый с политической арены в небытие.

Была у меня встреча со своими соратниками. Ледков, Клепченко, Недогаров, Коньшев, Воронов, Боголюбов, Женя Киричев, Шубин, Горяев, Донов, Бурят, Сандаг, Кирилов, Вова Шаламов и ряд других парней, точнее сказать, уже почтенных мужей, собрались у меня в доме обсудить наши перспективы.

– Вот такие дела, ребята, нас ждут. Мы уже не молоды, все у нас даже в новых реалиях как-то устаканилось, так что, подумайте, прикиньте, кто со мной дальше до победного, а кто по разным причинам останется в стороне от политики.

– Говоришь, дело верное?

– Дело верное, но, Рома, сам понимаешь, что все может быть в таких делах, как говорится «лес рубят – щепки летят». Основная наша страховка – это не болтать, держаться Брежнева, но быть готовыми взять штурвал страны в свои руки.

«Вон ты куда метишь, – задумчиво протянул Горяев, – я всегда подозревал, что ты живешь иными категориями, чем мы, обычные люди. Я-то думал, ты хочешь пристроиться в столице на теплое место и доживать свой век спокойно, а ты вот что планируешь – страной руководить».

– Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом, хотя первым лицом я не планирую становиться, но и статистом оставаться не желаю. Но сам я ничего не сделаю – вы нужны мне там, друзья мои! В общем, думайте, кто со мной до Победы, а кто останется наши тылы прикрывать.

– Мы прошли столько вместе, что грех бросать тебя на финише, я с тобой до конца, и пусть будет то, что будет!

– И я, и я тоже...

Вечером друзья разошлись. Галя и Лена сидели рядом со мной.

– Саш, ты уверен, что это тебе надо?

– Да, уверен, принцессы вы мои, что все будет хорошо!

– Что же, ты знаешь, что делаешь, как ты говоришь «делай, что должно, и пусть будет, что будет»!

Внешне я был решителен и спокоен, но внутри был определенный мандраж, характерный большому изменению в жизни. Но в тоже время я чувствовал, как в глубине души пробуждался азарт охотника, ведь передо мной забрезжили новые перспективы и теперь, лишь от меня и госпожи Фортуны зависело, насколько удачно я «ухвачу за хвост» птицу Счастья.

Несколько дней было отведено на сборы, сдачу текущих дел новому исполняющему обязанности первого секретаря горкома Роману Александровичу Коньшеву и личное прощальное расшаркивание в обкоме. Вскоре его утвердили по моей рекомендации – кто же из-за такого пустяка захочет ссориться с человеком, которой переходит работать в центральный комитет партии.

Прибыв в Москву, я поселился в трехкомнатной квартире, которую мне выделили с учетом семейного положения в хорошем доме, в котором проживали ответственные работники аппарата управления государством. Я знал из телепередач будущего, что в таком доме вентиляционные трубы вполне могли сводиться в подвале дома на дежурного офицера КГБ – слухача, который следил за домашними разговорами руководящих кадров, выявляя их политические пристрастия и отношение к строю. Поэтому дома я собирался, если и говорить с семьей или гостями, то только о мудром курсе, проводимом руководством страны.

Встретили меня в рабочем коллективе отдела, состоящем из 20 человек кто-то вполне доброжелательно, кто-то настроено, а кто-то и не заметил моего появления. Я был принят обычным, как сейчас говорят, госслужащим.

– Саня, поступишь обычным сотрудником, а в течение полугода я потащу тебя наверх. Постарайся зарекомендовать себя грамотным и ответственным работником.

– Все понял, Леонид, буду работать, как надо.

Я попал работать в приемную Президиума Верховного Совета, где меня сразу поставили на довольно ответственный участок по работе с клиентами на должность типа «конфликтного менеджера». Обработывал я входящую от народных масс в адрес Президиума корреспонденцию, но в основном встречался с людьми, лично входящими с жалобами. Учитывая снобизм москвичей, работающих в таком важном учреждении, ведь туда обычный человек не попадет на работу, эту должность никто не любил, потому что никто не любил общаться с возмущенной публикой, непонятно по какой причине беспокоящих очень ответственных работников.

Пришлось быстро входить в курс специфики моей новой работы, знакомиться с сотрудниками юридического и экономического отделов для возможных консультаций. Ходил я на работу в строгом костюме с прикрепленными планками фронтовых наград на пиджаке. К тому же, учитывая мой возраст и опыт общения с народом, пожалуй, лет 80 за две жизни, то давалось мне это вполне легко. Попадались, конечно, неменяемые граждане, общение с которыми было сложной процедурой, что было связано в первую очередь со сволочным характером этих граждан, но и с ними решались дела.

Я не отфутболивал народ, потому что, если уж жалуются в Президиум, то значит для многих это, действительно, была последняя надежда на решение жизненного конфликта, а спокойно разбирался. Что можно было сразу понять и решить по делу, то после приема готовил письма-требова-

ния в соответствующие инстанции в городах страны проработать вопрос, разобраться и повторно доложить об исполнении, обычно принимая сторону потерпевших. Были жалобы мне непонятные или требующие дополнительных разъяснений профильных специалистов. Тогда они отправлялись со служебной запиской по нашим отделам для подготовки общего ответа. Всю эту переписку я фиксировал в журналах исходящей и входящей корреспонденции, завел отдельный график с датами, чтобы не пропускать их и долбить смежные отделы, если потребует, соблюдением сроков.

В первые дни, идя по коридору, я впервые увидел человека в этой конторе, который шел навстречу и улыбался. Этим человеком оказалась сотрудница аналитического отдела Светлана Матлешева, так что у меня появилась первая и пока единственная приятельница, с которой мы иногда болтали в коридоре или столовке. Большинство же встречаемых мной товарищей были какими-то мрачными или вечно озадаченными, одним словом, держали марку чиновников, занимающихся «очень важными делами».

Дни тянулись вполне однообразно, так что ничего интересного не было, я работал, часто «давил клопов» на печатной машинке, верстая свои шедевральные отчеты, в общем, занимался обычной бюрократической рутинной.

Начальник отдела был довольно неприятный субъект, подверженный перепадам настроения. То есть, если дома у него были проблемы, а судя по его настроению, они у него

были практически каждый вечер, то он срывал свою злость на подчиненных. Конечно, мне было неприятно, когда на меня, 50 летнего человека принимался орать 38-летний умник, но пока я терпел. Нужно отдать ему должное, что он довольно хорошо ориентировался в конъюнктуре и держал нос по ветру, где надо поддакивая начальству, а где надо переводя стрелки за просчеты в работе на смежные отделы, топя их начальников. Немного осмотревшись, я пригласил на прием Сандага, как представителя какого-то ведомства, чтобы он посмотрел на коллектив своим телепатическим взглядом.

Мне нужно было не просто догадываться, а точно знать, кто из моих коллег чем дышит, то есть, кто кому «стучит», кто кого подсиживает и кто относится к какой структуре, типа органов партконтроля, КГБ или еще какой, неизвестной мне организации.

Сандаг, сидя возле моего стола, как будто сдавал какие-то отчеты, делал кое-какие пометки на листах бумаги и что-то кратко записывал.

Просидев примерно час, старичок был мною проведен к выходу, а листы бумаги с его пометками мы с ним уже разбирали после моей работы, сидя за столиком в кафе.

«Как тебе новый сотрудник?» – задал вопрос начальник отдела Козлов своему доверенному лицу, начальнику моего сектора Баранову.

– Смурной он какой-то, непонятный, несколько раз к самому Брежневу заходил, как говорит Виктория, секретарша

Брежнева.

– А по работе как характеризуется?

– Грамотный, обязанности свои изучил, не подкопаешься, пытался повесить на него всякого говна, которое никто делать не хочет, так он меня ткнул, что это не его задачи.

– Ты смотри, Баранов, не хочет, значит, все тянуть, ну да я его поприжму премиями.

– Аристарх Валентинович, по-моему ему плевать на премии, лично мое мнение, что он временщик в нашем отделе.

– Ну, это понятно, в возрасте же уже, видать перевели досидеть до пенсии и свалить с хорошими предпочтениями на нее. Но я ему бодрую жизнь устрою, что это он отказывается работать. Сам залетный, из какого-то колхоза приехал, а уже права качает.

– Смотри сам, Аристархович, но меня он отшил вполне уверенно, так поставил на место, что я, его начальник, чувствовал себя, как его подчиненный.

– Ну, тебе-то 35 лет, а ему 50, вот и робеешь перед возрастом, правда, с каких это пор, ха-ха. Хотя, может не торопиться, посмотреть еще на него?

– Твое дело, он фронтовик, генерал МВД в отставке, так что того, непонятный он тип.

– Да, еще скажи, что известный футболист, в прошлом. Сам болел за «Гелиос», когда они Восточные кубки брали. Ладно, присмотришь еще к нему.

Я же ничего этого не знал, но подозревал, что меня изу-

чают мои коллеги и начальник, первая разведка боем уже состоялась, я сцепился с замом отдела, который стал меня отчитывать за мой отчет. Мне было проще, я не держался за это место, а именно, что высиживал срок, чтобы податься намного выше в аппарате ЦК.

Я заглянул к Брежневу.

– Слушай, Ильич, хочу тебя порадовать оперативной информацией. В моем отделе выявлен явный агент КГБ, и второй человек, входящий в вертикаль Хрущева, то есть все хорошее или неприятное, что они могут узнать по своей линии и должности, докладывается вышестоящим кураторам.

– Никогда не любил предателей.

– Они не предатели, они сексоты.

– Издеваешься, и кто это?

– Начальник отдела и его заместитель, ведущий инструктор отдела – этот гэбист.

– Что предлагаешь?

– А что предложить, работают и работают, уберешь этих, придут новые. Просто их надо опасаться.

– Саня, ты точно уверен в своих выводах.

– Однозначно.

– Пройдись по начальникам отделов, погляди на них.

– Ильич, как ты представляешь это себе, лучше я с товарищем посижу на нескольких совещаниях и посмотрю, кто есть кто. Правда это будет известно, что на совещаниях у руководства присутствует непонятно кто, не по чину то есть.

– Хм, ладно, соберу расширенное совещание.

– Давай отложим это дело, ты лучше тяни меня выше, может быть, отдел под меня создашь, а я потяну своих парней, чтобы были поближе, да и примелькались бы в партийных кругах.

– Хм, ладно, подумаем.

Начальники общественной приемной и моего отдела разговаривали после месяца моей работы.

– Как тебе новый «болтун»? В приемной вечно скандалы были слышны, сейчас я иногда не пойму, есть ли там люди вообще, точнее принимает ли Кольцов кого-нибудь, пока сам не подойду и не посмотрю.

– Да, Кольцов опытный бюрократ, правда, меня периодически достает, настаивая на таком-то решении вопроса с нашей стороны. Но это лучше, чем разбираться со скандалящими тетками лично. Теперь я к нему всех «тяжелых» направляю, а он как-то находит к ним подход. Самое интересное, что народ старается именно к нему попасть, а не к другим нашим работникам.

– А те что?

– А что, с одной стороны зависть, а с другой стороны довольны, что у них поменьше скандальной работы. Он в большинстве случаев быстро разбирается с просителями, хотя и вдумчиво. Я смотрел поначалу за его работой, чтобы подстраховать, если что, но он быстро вошел в курс дела и сам разруливает.

– Ты, Валентиныч, с ним поосторожнее – знаменитость футбольная, все же, хоть и бывшая, да и, мне по секрету шепнули, сам Брежнев его привел. Чуешь, кто за ним стоит!

– Честно говоря – не знал. Хотя я и подумал, что с какого перепугу нам 50-летнего пенсионера подсунули, а для него это стартовая площадка должна быть. Ну, ничего, мужик адекватный и я с ним не ссорюсь.

– Правильно, Валентиныч.

Я иногда слышал разговоры посетителей в приемной комнате о том, что люди обсуждали нового работника, то есть меня, стараясь подгадать так, чтобы по очереди попасть именно ко мне на прием, хотя и другие работали вполне ответственно, выполняя свои обязанности. Однако после приема ругались почему зря, вспоминая «тупых» посетителей и просителей.

– Палыч, вот ты что скажешь. Вот достала меня сегодня гражданка из Ставрополя со своими жалобами на местную власть.

– А в чем, Андрей, суть жалобы?

– Да имущественный спор по территории домовладения вышел между этой вдовой, муж, вроде, в войну погиб, и начальником районной милиции, который что-то там построил на якобы незаконно отторгнутой от ее домовладения земле. Быть такого не может, чтобы начальник милиции так поступил. Эта обычная скандалистка с тремя классами образования, жалобу без грамматических ошибок написать не может,

а туда же, в Москву дошла.

Что тут можно было сказать. Все могло быть, конечно, в этой ситуации. Возможно, это была скандалистка по природе и даже начальники милиции ей не преграда, но, все же, в 99 случаях обычную труженицу засудят в спорах с властями-мушцами.

– То есть ты думаешь, что обычная работница фабрики, тем более вдова, будет отжимать у начальника милиции часть его участка? Понимаешь, вероятно, что она прошла районные и областные инстанции, и надежда на справедливое решение у нее осталось только на нас – верховную власть. Знаешь, почему разгул бандитизма все же быстро прижали в 40-х и начале 50-х годов?

– Почему, Палыч?

– Потому что много было демобилизованных военных, которые научились убивать во время войны, и в суды не бегали, а в случае проблем, решали эти проблемы так, как научились на войне. Особенно этим «грешили» те вернувшиеся с фронтов люди, у кого никого не осталось или еще ничего не было, что было страшно потерять, если тебя посадят за убийство, даже уголовного.

– Это ты к чему.

– К тому, что был бы у нее муж, то мог бы и по-военному решить дело. Мне кажется, что тут обязательно надо разбираться – слишком уж мутное дело.

– Я думал, ты меня поддержишь, а ты макнул носом.

– Ты бы, Андрей, посидел бы в окопах вместе с такими людьми, когда они с оружием в руках со своими тремя классами давали тебе 10 классов и институт окончить, тогда бы и рассуждал. А то смотришь на жизнь из родительской квартиры со всеми удобствами и спецпайком без очереди. А ты бы, как все обычные люди, пожил бы в съемной коммуналке, да в очередях постоял за хлебушком, вот потом и рассуждал бы о жизни народа.

В это же время в Кремле состоялся разговор Хрущева и Брежнева.

– Леонид, до меня дошли слухи, что ты взял себе помощника, продвигаешь человека из глубинки. Ты так в нем уверен? Может быть лучше из наших, проверенных кого-нибудь подтянуть тебе в помощники?

– Никита Сергеич, ты же знаешь, что я очень ответственно подхожу к формированию своих кадров, а с этим генералом мы на «Малой земле» вместе воевали, я его хорошо знаю, ответственный и исполнительный человек, настоящий коммунист – не подведет.

– Ну что же, твоя епархия, разбирайся в ней сам.

Через пару месяцев я стал помощником Брежнева по техническим вопросам. Начальник приемной Верховного совета разговаривал с начальником одного из отделов.

– Что я тебе, Валентиныч, говорил, пересидеть пришел к тебе Кольцов. Ты его не обижал, надеюсь?

– Не обижал, а вот Караваева Андрея, похоже, придется

переводить из моего отдела с глаз долой.

– А что так?

– Чем-то он Кольцову не угодил, тот очень настоятельно попросил его убрать от работы с людьми.

Теперь уже я вызывал к себе начальников отделов, когда готовил доклады для Брежнева. Мне понравилось работать с главным специалистом организационно-аналитического отдела при аппарате Верховного совета Матлешовой. Вот уж человек был на своем месте. Предоставляемые статистические данные и аналитика на их основе, выводы были на очень высоком уровне, и всегда улыбается от души, здороваается – даже настроение улучшалось после встречи с ней. Надо будет в будущем ее продвигать повыше, такая сможет организовать работу не только отдела, но и управления.

Я присутствовал в качестве помощника Брежнева, стоя «тенью за его спиной» на заседании Правительства СССР с участием всех силовиков. Естественно, председательствовал на собрании Никита Хрущев. Обсуждался вопрос по Босфору. Докладывал министр иностранных дел Андрей Громыко: «Товарищи, сегодня турецкие власти официально заявили о том, что они закроют пролив Босфор для советских кораблей. Понятно, что это заявление готовилось за океаном, но сказали – то его турки. Какотреагируем мы?»

Народ зашумел. Военный министр Малиновский рубанул с плеча: «Такое спускать нельзя. Надо жестко поставить этих оттоманцев на место!»

«Родион, Турция вступила в НАТО, на ее территории размещены американские ядерные боеголовки. Все это надо учитывать!» – возразил ему Громыко.

– Да знаю я. Ну и что, мы эту Турцию раздавим в неделю вместе с их боеголовками.

«А ведь товарищ Брежнев предупреждал о таком демарше Турции. Ты как в воду глядел, Леонид, прямо настоящий провидец!» – обратился Хрущев к Брежневу.

Брежнев выдержал взгляд Хрущева, ответив: «Никита Сергеевич, это все аналитика. Турки посчитали себя защищенными под крылышком США, вот и разгорелись у них имперские аппетиты. Но я полностью согласен с нашими военными. Такое наплевательское отношение к СССР надо давать на корню!»

Малиновский кивнул Брежневу. Дебаты возобновились. Тут я шепнул Брежневу актуальную, на мой взгляд, фразу. Брежнев одобрительно хмыкнул и снова попросил слово: «Товарищи! Шутить и противопоставлять себя нам может только Америка, все остальные прихлебатели – это самые обычные шавки, поэтому нечего с ними церемониться. Надо давать жесткий ответ на их провокации, и пусть у них самих голова болит, как реагировать на нашу правду!»

«Верно сказал, Леонид! В общем, делаем так. Первое – никаких нот протеста писать не будем, еще не хватало нам перед Турцией унижаться. Второе – завтра товарищ Громыко выступит перед журналистами и доведет до них нашу

официальную реакцию на эти заявления», – сказал Хрущев, подводя итог вопросу.

На следующий день в МИДе был созван брифинг для иностранных журналистов. Громыко отвечал на вопросы корреспондентов различных газет, которые в конце, так сказать, на самую закуску, задали волнующий всех вопрос по Турции и Босфору.

Министр выдержал паузу, как будто собирался с мыслями и ответил: «Что я могу сказать по поводу таких заявлений турецкого руководства. Проход через пролив регламентируется международным соглашением и Турция не имеет никакого права закрывать его для наших кораблей. Если Турция все же закроет Босфор, то нам он и не нужен. Мы все равно найдем, как выйти в Средиземное море».

– Как это найдете? Там всего лишь один пролив – это указано в любом учебнике географии и на любой карте!

– Если нас не пускают через Босфор, то после пары залпов наших ракет там появится много других проливов, через которые наши корабли будут выходить из Черного моря. Правда, я не уверен, что после них останется на месте Стамбул, но нам-то что до этого.

В этот же день было выступление турецкого руководства, в котором оно сообщило, что Турция полностью соблюдает все международные договора и никаких препятствий чинить не собирается.

Мы слушали выступление министра, а затем реакцию

Турции и радостно улыбались и потирали руки. С СССР в то время шутить было чревато, руководство реагировало адекватно.

А вот по Берлинскому кризису или ультиматуму Хрущева дела никак не шли, пока восточные немцы не взялись за дело сами. Об этом я тоже рассказал Брежневу.

Став референтом или помощником уже «по всему» при Брежневе, потихоньку становился фигурой, имеющий определенный вес, поскольку мелькал на собраниях и заседаниях различного уровня, всегда был в свите Председателя Президиума Верховного Совета СССР на значимых совещаниях. Курировал я вопросы промышленности для Председателя, в какой-то степени дублируя их с Секретариатом ЦК КПСС и другим его помощником, поэтому профильные министры и председатель Госплана очень редко, а их заместители частенько встречались со мной, предоставляя информацию для подготовки справок и докладов для Брежнева. Я звонил, договаривался о встрече, и ездил к ним в министерства, но в очередях не сидел, не по статусу уже было. А если что-то было серьезное, то и вызывал к себе «на ковер» ответственных работников вплоть до заместителей министров. Так шла моя работа.

– Леонид, пора подтягивать нужные кадры поближе к Москве.

– Давай, я подпишу приказы.

Через несколько дней я передал ему список лиц, которых

хотел видеть в столице.

– Ты что, Саня, обалдел столько!?

– Леонид, ты формально третий по должности человек в иерархии руководства страны, что тебе стоит подписать назначения? Хорошо, этих давай подтянем чуть позже, а этих надо сейчас!

Так в центральном аппарате МВД СССР начальниками отделов или их замами оказались Ледков, Клепченко и Воронов, а в аппарате Верховного совета Коньшев, Евгений Киричев, Недогаров и Кирилов. Вакантные места в Шахтах заняли их протеже, которые также готовились в нужное время к старту в Москву.

Глава 6. Началось...

На внешнеполитической арене мы снова боролись за мир во всем мире, а вот внутри страны дела шли все хуже и хуже.

«Саш, что будет-то? С полок магазинов пропали крупы, хлеб по часовым очередям, не говоря уже о деликатесах», – спросила у меня Галина.

– У меня и Лены есть спецпаек, мы питаемся по иной категории, чем все, так что чего ты расстраиваешься?

– Саш, я серьезно спрашиваю, что нас ждет?

– Годик-другой тяжело будет, а там все наладится и период с 1965 по 1975 годы, пожалуй, будет самым стабильным и щедрым на продукты в магазинах, если ничего не изменится.

Однако, несмотря на мои шутки, в стране из-за проблем в сельскохозяйственной и финансовой сферах в начале 1962 года образовался острейший дефицит хлеба, круп, растительного масла, мяса, молока и других основных продуктов питания. Обстановка в стране стала накаляться.

Я присутствовал на очередном заседании Президиума Верховного Совета, на котором по поручению Брежнева выступил с докладом о состоянии обеспечения продуктами питания и настроениях на крупнейших заводах Москвы. Уделил внимание и югу страны, где народ казачий, горячий, и меры по урезанию зарплат при повышении цен на продукты

могут спровоцировать активное недовольство, вплоть до забастовок и демонстраций протеста.

– Товарищи, этот доклад не мое желание нагнести обстановку, все пока вполне поправимо, а информация для выработки адекватных мер по стабилизации обстановки.

«Спасибо, товарищ Кольцов, мы вас услышали, а с врагами советской власти будем решать вопросы со всей партийной принципиальностью», – ответил мне Косыгин, курирующий экономику.

Я уселся на свое место и стал слушать дальнейшие прения. Брежнев сидел задумчивым, ловя взгляды недовольствия Хрущева. Несмотря на то, что о плохом говорил я, это ничего не меняло, ведь я был человеком Брежнева.

Затем взял слово пока еще министр сельского хозяйства СССР Ольшанский: «Кризис с продуктами очень серьезный, мы не можем обеспечить полноценное снабжение городов центральной и южной России. Мы провели совещания при участии товарища Косыгина, выработали наши предложения и считаем необходимым в ряде регионов страны ввести карточки на большинство видов продовольственных товаров».

Я смотрел на Ольшанского и размышлял о том, что этого человека, выполняющего волю Хрущева, скоро отправят на пенсию, как завалившего наше сельское хозяйство – кто-то же должен быть виноватым.

После него выступил Алексей Николаевич Косыгин: «Товарищи, как не прискорбно об этом говорить, но из-за

непредвиденных неурожаев и заключенных нашей страной зарубежных контрактов, в частности обязательств по поставке пшеницы в Египет, наша сельскохозяйственная политика трещит по швам. В этих условиях мы вынуждены пойти на повышение цен на продовольствие. Эта временная мера должна будет сгладить дисбаланс потребительского рынка, стабилизировав доходы граждан и наличие продуктовых товаров в магазинах».

Затем слово взял председатель Совета министров СССР Хрущёв: «Товарищи, в связи с тем, что к началу лета образовался огромный недостаток хлеба из-за краха целинной эпопеи, которую не смогли грамотно воплотить в жизнь руководители нашим сельским хозяйством, считаю необходимым провести закупку зерна за границей, чтобы насытить наш рынок и отправить в Египет».

Далее были заслушаны доклады нескольких министров, в том числе финансов, тяжелой и легкой промышленности, иных руководителей страны и принято очередное мудрое решение партии. Одним словом, предложение вождей свелось к идее «раз у людей есть деньги, то уменьшим им зарплату и повысим цены, чтобы стабилизировать рынок». В результате, закупленная в Канаде за золото пшеница оказалась поистине на вес золота, что еще больше подорвало международные позиции рубля, и соответственно, хоть и косвенно, но сказалось на годовом бюджете государства.

Я обсуждал свое видение ситуации с товарищами только

приватно: «Товарищи, чтобы вы там себе не придумывали ничего, давайте я расскажу свои соображения, а вы уже соглашайтесь с ними или нет. Для чего я это говорю, а для того, чтобы мы и дальше были единой командой, трезво смотрящей на ситуацию в стране и делающие правильные выводы, а не спорили до хрипоты друг с другом. Все это вы обдумаете на досуге и, я надеюсь, что согласитесь с моей точкой зрения. Нам еще надо будет страну вытаскивать.

Хрущевское руководство стремится любыми способами добиться повышения рентабельности аграрного производства, при том, что не хватает сельхозтехники, инфраструктура хранения и переработки урожая находится в зачаточном состоянии на новых землях, хромает логистика. Это связано с огромными расстояниями, отсутствием асфальтированных дорог, кроме грунтовых, которые при даже небольшой непогоде превращаются в непроходимые земли, элеваторов, зернохранилищ и так далее, совершенно непродуманна, а правильное сказать отсутствует, система орошения целинных земель, где ветра и жара делают свое губительное дело.

В центральной России и Украине, в угоду принятым политическим тенденциям, председатели колхозов и совхозов, уменьшая посевы пшеницы, сеют кукурузу, даже в непригодных для ее роста климатических местностях.

В это же время начата борьба с подсобным хозяйством, людей в городах и деревнях заставляют сдавать в колхозные стада личных овец, коз, коров, ввели налоги на плодовые

деревья. То есть, руководством страны взят курс на тотальную коллективизацию и борьбу с частной, а точнее, с личной собственностью, выбивая частников, как класс. А сейчас, в условиях голода, эти городские жители могли бы неплохо протянуть на подсобном хозяйстве, но оно развалено. В настоящее время жители сел оказались даже в лучшем положении из-за наличия огородов и, какого-никакого подсобного хозяйства. Правительство делает все очень не своевременно и не продуманно».

Мужики чесали головы, но соглашались со мной. Попутно я вспоминал скупые рассказы об этом времени, потому что не любили они говорить о таких моментах, своих бабушки и дедушки. Они жили в своем частном доме на окраине города, но имели живность и сад, в связи с чем, сильно пострадали от проводимых мер. Вспоминал и сравнивал с тем, что вижу сейчас сам. Было ощущение, что руководство страны настолько оторвано от реального положения дел в стране, и вместо планомерного научно-обоснованного развития хозяйства все время кидается в какие-то крайности. Хотя уже тогда прекрасно развивалась шведская модель капиталистического социализма, можно было проанализировать опыт финской, австрийской или швейцарской экономических политик. У нас же все делалось на надрыве людских сил. Сколько молодежи, поддавшись новым лозунгам, положили свое здоровье на освоение ненужных в то время целинных земель.

Однако, все мои мысли оставались при мне, на совещаниях я их, естественно, не озвучивал, а итогом таких вот совещаний стало следующее.

31 мая 1962 года во всех центральных газетах было опубликовано Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О повышении цен на мясомолочные продукты». Было решено повысить розничные цены на мясо и мясные продукты в среднем на 31 %. В газетах это событие преподнесли как «просьбу всех трудящихся».

Естественно, что такая мера была не популярна, так как предыдущая сталинская политика ежегодного снижения цен, проводимая именно 1 апреля, которое впоследствии сделают днем смеха, наоборот, имела большую поддержку советского народа. Повышение цен вызвало острую реакцию по всей стране. Уже на следующий день в Москве, Ленинграде, Киеве, Донецке, Днепропетровске и других городах появились листовки с призывами свергнуть «антинародную советскую власть». Правда, за исключением Новочеркаска дальше этих призывов события не пошли, а южане дали жару.

За несколько месяцев назад, в марте проходило совещание руководства НЭВЗа. Директор Курочкин, сидя за столом, вещал: «Товарищи, партия и правительство требует от нас повышения выработки продукции, ускоренного строительства новых цехов. Нужно отметить, что сейчас в стране сложная ситуация, требующая затянуть пояса потуже. По-

этому, чтобы отрапортовать о выполнении указаний партии, предлагаю на 10 % снизить расценки за тяжёлый труд разно-
рабочих, а также на треть увеличить норму выработки для
остальных рабочих. Товарищи, прошу высказываться».

Поднял руку Шалимов старший: «Разрешите мне, Борис
Николаевич».

– Давайте, Владимир Иванович, что скажет наш ветеран
строительства?

– Понимаете, партия не приказывала сокращать зарплаты,
никаких таких указаний не было, а мы бежим впереди паро-
воза, зачем? В результате этих мер, заработная плата умень-
шится, а обнищание рабочих, я не боюсь этого слова, повы-
сится. Многие наши работники живут в бараках или комму-
налках, многие в съёмных комнатах или флигелях, в своих
частных домах проживают в основном начальство или кому
повезло в них родиться. То есть довольно большой слой на-
селения города малообеспечен, а мы им еще зарплату уреза-
ем. У меня работают «химики» или «почти выпущенные» на
свободу ээки. Вы понимаете, что это значит? Вчера надо бы-
ло лезть в котлован под опору, поправить стенки, а там воды
по пояс, а март на дворе, холод собачий. Есть у нас тут один
мужичок, старший бригады «химиков», по фамилии Виш-
нев, он и говорит работяге – лезь, тот в ответ – не полезу. А
Вишнев как врежет тому ребром лопаты по позвоночнику,
мужик так и улетел в яму – чуть не захлебнулся. Хорошо я
рядом был, проверял, как на соседнем участке монтировали

бетонную опору, увидел это и побежал разбираться. Мужика достали, да и фуфайка удар сгладила, обошлось без травм.

– Так надо наказать Вишнева!

– Вот и накажите, товарищ Бухальская, пойдите и накажите матерого зэка, а я посмотрю, чем вы его проймаете и, куда он вас пошлет! А еще они мастера подлянок – не понравился мастер, требует много, так и делают ему гадости. Недавно разбирались с производственным случаем – залили опору, установили металлические закладные по чертежам, через несколько дней бетон затвердел, стали ставить опору, а выпуски этих закладных сбиты.

– Как сбиты?

– Да как, сдвинули их, когда никто не видел на несколько сантиметров и все.

– И что делать?

– Полностью разбивать бетон, выдергивать закладные и устанавливать их по-новому с новой заливкой – вот что делать придется, а это время и силы. Вы понимаете, сколько на заводе может быть таких вот диверсий – это же уголовники, от них всего можно ожидать, а виноватого не найдешь. Но они ладно, практически бесплатно работают, их эта мера не коснется, а обычных работяг за что наказывать, те тоже вполне могут саботировать работу? Мало того, что в магазинах не купишь продуктов, так еще и зарплату урежем. У меня половина рабочих разбежится, если им платить меньше станем, работа же тяжелая – стометровый цех с нуля по-

строить не шутка.

Попросила слово и начальник отдела кадров завода Александра Александровна Оде́жева: «Полностью поддерживаю Владимира Ивановича. Товарищи, ни для кого не секрет, что по сравнению с другими предприятиями города наш завод отличается технической отсталостью, широко используется тяжёлый физический труд, у многих рабочих плохие бытовые условия из-за чего на предприятии высокая текучесть кадров. На нашем заводе, к сожалению, вообще не решается жилищная проблема, а плата за съём жилья у частных составляет 20–30 % от зарплаты рабочих. Поэтому администрация завода принимает на работу даже тех, кого больше никуда не берут, включая вышедших из тюрьмы бывших заключённых.

Ведь неделю назад была забастовка, на которой рабочие требовали улучшить условия труда, так как в обмоточно-изоляционном цехе в это время из-за низкого уровня техники безопасности отравились 200 человек. Вы понимаете, что повышенная концентрация бывших заключённых может привести к непредсказуемым последствиям».

– Вы что, спелись что ли? Все же большинство руководителей завода поддерживают наши инициативы, поэтому с мартовской полочки будут действовать новые расценки.

«Твою ж дивизию, все как Кольцов рассказывал и происходит, разве что в деталях расходится. Поглядим, что в июне произойдет», – разговаривали у себя дома Шаламовы. Они

также снимали жилье недалеко от завода, чтобы не мотаться из Шахт в Новочек, просто деньги у них были, и им было проще.

А сейчас на дворе был июнь, я даже стал подсчитывать дни, когда можно будет взять отпуск, надоел мне этот Президимум вместе с президиумцами. Меня вызвал Брежнев: «Кольцов, ты говорил о новочеркасских событиях. Похоже, что началось и это надо предотвратить. Хотя, ты же сказал, что эти события очень помогут нам во внутривластной борьбе?»

– Да, эти события станут одним из мощных обвинительных аргументов, которые будут предъявлены Хрущеву.

– Тогда мне не стоит возглавлять это подавление?

– Возглавить придется, как одному из руководителей страны, но косвенно: организовать координационный штаб, давать ценные указания, но сидя в Кремле, а в Новочеркасск пусть отправятся другие ответственные лица.

– Будет кровь?

– Будет, Ильич, наши переговорщики по-другому не умеют переговариваться с гражданами своей страны.

– Поезжай, будешь докладывать мне лично.

– Леонид, поехать-то могу, но толку от меня не будет, потому что там будут люди главнее меня, и у них свое видение решения вопроса. А я тебе и сейчас смогу описать основные события новочеркасского дела. Туда главными поедут Фрол Козлов, Микоян, Малиновский, главный болтолог

страны – председатель идеологической комиссии секретарь ЦК Ильичёв Леонид свет Фёдорович.

– Ну, что же, может быть ты и прав. Собирай совещание, Никиту Сергеевича известите обязательно.

1–3 июня 1962 года начались исторические события, получившие название «Новочеркасский расстрел», произошедший в городе Новочеркасск в результате забастовки рабочих Новочеркасского электровозостроительного

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.